

ВОЙНА
С
ГАННИБАЛОМ
ТИТ ЛИВИЙ

Тит Ливий

Война с Ганнибалом

OCR, правка: Константин Александров
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159558
Война с Ганнибалом: Ниппур; Москва; 1993
ISBN 5-85-423-004-6

Аннотация

Между первой и второй Пуническими войнами прошло 23 года.

Никогда на полях сражений не сталкивались столь могущественные и хорошо вооруженные противники. Военное счастье было так изменчиво, что не раз будущие победители оказывались на волосок от гибели.

В книге рассказывается о Второй Пунической войне, которую карфагеняне под предводительством великого полководца Ганнибала вели против римского народа.

Этой книгой зачитывались многие поколения юношей и подростков, она была любимым чтением мальчика Александра Суворова, который позже прошел путем Ганнибала – провел русские полки через Альпы. Эта книга оживит строки учебника истории древнего мира и приблизит к вам давно минувшее прошлое.

Содержание

Как началась война.	6
О тех, кто командовал в Испании до Ганнибала.	7
Нрав, достоинства и пороки Ганнибала.	10
Ганнибал подбирается к Сагунту.	12
Осада Сагунта началась.	15
Римские послы у Ганнибала и в Карфагене.	18
Падение Сагунта.	21
Первый год войны – от основания Рима 536 (218 до н. э.)	26
Война объявлена.	28
Второе посольство в Карфаген.	30
В безуспешных поисках союзников.	32
Приготовления к походу.	35
Ганнибал в пути. от Ибера до Родана.	37
Переправа через Родан.	41
От Родана до подножия Альп.	46
Альпы! Альпы!	49
От Альп до Тицина.	57
Битва при реке Тицине.	62
Битва при Требии.	67
Зимние квартиры. Буря в Апеннинах.	75
Новые консулы – Гай Фламиний и Гней	78

Сервилий.	
Второй год войны – от основания Рима 537 (217 до н. э.)	81
Мучительный путь по болотам.	82
Тразименская битва.	86
Смятение и отчаяние в Риме.	91
Диктатор Квинт Фабий Максим.	93
Фабий-медлитель и безрассудный Минуций.	95
Ганнибал хитростью вырывается из ловушки.	99
Фабий в Риме. Злосчастные успехи Минуция.	102
Судьба карает Минуция и оправдывает Фабия.	105
Рим продолжает жить.	110
Третий год войны – от основания Рима 538 (216 до н. э.)	114
Консул против консула.	115
«Брошенный лагерь»	119
Перед Каннами	122
Канны.	125
Римляне после поражения.	129
Карфагеняне после победы.	131
Остатки римского войска в Канусии. Заговор.	133
Отчаяние и мужество Рима.	135
Посольство пленников.	138
Измена Капуи.	143
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Тит Ливий

Война с Ганнибалом

Я приступаю к рассказу о самой великой войне, какую помнит мир, – о Второй Пунической войне, которую карфагеняне под водительством великого полководца Ганнибала вели против римского народа.

Никогда до той поры не сталкивались на полях сражения государства или племена более могущественные и лучше вооруженные; вдобавок противники успели отлично узнать друг друга в Первую Пуническую войну, которая длилась двадцать три года и закончилась победою Рима. Промежуток между Первой и Второй Пуническими войнами составляет также двадцать три года.

Военное счастье было так изменчиво, что не раз будущие победители оказывались на волоске от гибели, силы с обеих сторон были неизмеримы, а взаимная ненависть – еще выше сил.

Как началась война.

Когда Ганнибалу было лет девять, его отец, Гамилькар, командовавший карфагенянами в завершающие годы Первой Пунической войны, готовился переправиться с войском в Испанию: потеряв Сицилию, Карфаген рассчитывал возместить урон завоеваниями в Испании. По-детски ласкаясь к отцу, мальчик просил взять его с собою, и тут Гамилькар подвел сына к алтарю, велел ему коснуться рукою внутренностей жертвенного животного и принести клятву, что будет вечным, непримиримым врагом римского народа.

О тех, кто командовал в Испании до Ганнибала.

Девять лет провел Гамилькар в Испании, неустанно расширяя владения Карфагенской державы, и было ясно, что в душе он лелеет иную войну, куда большую, чем Испанская. Проживи, он еще – и пунийцы вторглись бы в Италию не с Ганнибалом, а с Гамилькаром во главе.

Но Гамилькар умер, а Ганнибал был слишком юн, чтобы сменить его на посту командующего. В течение восьми лет верховное начальствование принадлежало Гасдрубалу, которому Гамилькар, очарованный его красотой и острым умом, отдал в жены свою дочь; среди солдат и простого люда наибольшим влиянием пользовалась партия баркидов¹, она-то и поставила у власти Гамилькарова зятя. Гасдрубал больше полагался на разум, чем на силу оружия, и потому не столько воевал, сколько искал для Карфагена новых союзников, склоняя к дружбе соседние народы, их царьков и предводителей. Впрочем, и мир не пошел ему на пользу: на глазах у целой толпы он был зарезан каким-то рабом, который мстил за смерть своего господина, казненного Гасдрубалом.

Убийцу тут же схватили, но он ликовал и радовался так,

¹ Это была партия сторонников войны с Римом, называвшаяся так по имени своего вождя – Гамилькара Барки.

словно благополучно ускользнул, и даже под пытками, когда тело его рвали на куски, радость заглушала муки – и он смеялся.

Видя, с каким искусством вел Гасдрубал государственные дела, римский народ заключил с ним договор, установив границу между римскими и карфагенскими владениями реку Ибер и порешив, что город Сагунт, который стоит на ничейной земле², должен сохранить свою свободу.

Кому занять место Гасдрубала, сомнений не было ни малейших: воины немедленно подняли на руки молодого Ганнибала, принесли его на главную площадь лагеря и под единодушные крики одобрения провозгласили императором.

Ганнибал после смерти отца сперва жил в Карфагене, а затем Гасдрубал прислал письмо в сенат с просьбою отправить Ганнибала к нему, в Испанию. Собрался сенат, и баркиды говорили, что сын Гамилькара должен привыкнуть к ратному делу и стать наследником отца, а глава противной партии, Ганнон, предложил ответить Гасдрубалу отказом.

– Чего мы опасаемся? – спрашивал он. – Что сын Гамилькара слишком поздно узнает вкус безграничной власти и царского великолепия? Или что сами недостаточно скоро и проворно сделаемся его рабами? Нет, этого юношу надо держать дома и выучить его покоряться законам и властям, как покоряются им все прочие в Карфагене! А иначе – бе-

² Это значит, что римляне еще не подступили к Иберу (ныне Эбро) вплотную с севера, а карфагеняне – с юга.

регитесь, чтоб из малой этой искры не разгорелся великий пожар!

Нрав, достоинства и пороки Ганнибала.

Все лучшие люди в сенате поддержали Ганнона, но их было немного, и, как обычно, большая часть взяла верх над лучшей. Ганнибал был отправлен в Испанию и сразу же стал любимцем всего войска. Старые солдаты были готовы верить, будто снова видят перед собою молодого Гамилькара: тот же облик, та же живость лица и сила взгляда. Но вскоре о сходстве с отцом уже мало кто и вспоминал; вместо этого в один голос заговорили о том, что не было еще на земле человека, одинаково одаренного двумя противоположными способностями — начальствовать и повиноваться. И едва ли кто мог решить, кому Ганнибал дороже — командующему или войску: и Гасдрубал, если надо было действовать смело и решительно, всем прочим предпочитал Ганнибала, и воинам ни один из начальников не внушал столько доверия и отваги.

Никто не боялся опасностей меньше, чем Ганнибал, и никто не обнаруживал большей осмотрительности в самые опасные мгновения. Никакие труды не могли утомить его тело или сломить дух. И зной, и мороз он переносил одинаково терпеливо. Никогда не ел и не пил ради удовольствия, но лишь утоляя голод и жажду. Бодрствовал и спал, не различая дня от ночи, отводя отдыху лишь то, что оставалось от дел; да и тогда не искал ни мягкой постели, ни тишины, и многие

видели, как он растягивался прямо на земле, покрывшись солдатским плащом, посреди постов и караулов.

Одеждою он ни в чем не отличался от своих сверстников, зато оружие его и кони всем бросались в глаза. Не было бойца искуснее Ганнибала ни среди всадников, ни среди пехотинцев. Первым летел он в схватку, последним уходил с поля битвы.

Великие эти достоинства соединялись с такими же великими пороками – нечеловеческою жестокостью, неслыханным вероломством; не было для него ничего истинного, ничего святого, он не испытывал ни малейшего страха перед богами, ни малейшего уважения к клятве.

Три года прослужил Ганнибал под началом у Гасдрубала, не упустив из виду ничего, что следовало знать и уметь будущему великому полководцу, а с того самого дня, как принял верховное начальствование, начал готовиться к войне против римлян. Медлить нельзя, считал он, промедление приносит с собою всякие случайности, а несчастные случайности отнимают жизнь: так погибли и отец его, Гамилькар, и зять, Гасдрубал, погибли, не осуществив своих замыслов. И Ганнибал решает напасть на Сагунт, вернее – сперва на соседей Сагунта, чтобы казалось, будто он втянут в войну самим ходом событий.

Ганнибал подбирается к Сагунту.

В первый год он покорил племя олькадов, на другой год – вакцеев. Но побежденным удалось поднять против карфагенян сильный народ карпетанов, и, соединившись, они ударили по войску Ганнибала, тяжело нагруженному добычей, награбленной в земле вакцеев.

Дело происходило недалеко от реки Тага. Ганнибал от битвы уклонился и наскоро разбил лагерь, а как только стемнело и неприятель утих, расположившись на ночлег, перешел реку вброд и разбил новый лагерь, оставив врагу место для переправы. Всадники получили приказ: как увидят, что пехота противника вошла в воду, – тут же в атаку. На берегу были расставлены сорок слонов.

Карпетанов вместе со вспомогательными отрядами олькадов и вакцеев было около ста тысяч – войско, в открытом поле непобедимое. Полагаясь на свою многочисленность да к тому же уверенные, будто враги в ужасе отступили, они считали, что лишь река отделяет их от победы, а потому, не дожидаясь приказа, ринулись в воду – без всякого порядка, кто где стоял.

Тогда с противоположного берега спустился громадный отряд конницы. Бой завязался посередине течения и был бы далеко не равным, даже если бы всадники были безоружны, потому что пешие с трудом удерживались на ногах и опроки-

нуть их конем не стоило никакого труда. Значительная часть испанцев погибла в стремнинах и водоворотах, а тех немногих, кого вынесло на вражеский берег, растоптали слоны. Задние ряды, которым удалось благополучно вернуться на свой берег, кинулись врассыпную, потом стали собираться вместе, но Ганнибал не дал им опомниться: четырехугольным строем карфагеняне двинулись вперед, и карпетаны не устояли.

Спустя несколько дней и это племя известило Ганнибала о полной и безоговорочной своей покорности. Теперь все земли к югу от Ибера, кроме владений Сагунта, были в руках карфагенян.

Сагунтяне понимали, что столкновения с карфагенянами не избежать, и отправили в Рим послов с жалобой на Ганнибала, который нарушает договор, заключенный Гасдрубалом. Консулы представили посланцев Сагунта сенату, и те рассказали, что Ганнибал натравливает на сагунтян соседний народ турдетанов и в то же время вызывается примирить враждующих. Неужели не ясно, восклицали послы, что он просто-напросто ищет повода вмешаться в дела города и в конце концов лишить его свободы! Сенат постановил нарядить посольство в Испанию и потребовать, чтобы всякие враждебные действия против города Сагунта – союзника римского народа – были прекращены. Затем посольство должно было посетить самый Карфаген и сообщить тамошнему сенату о жалобе сагунтян. Но не успели еще послы тро-

нуться в путь, как пришла новая весть: Ганнибал уже осаждает Сагунт!

Все были растеряны – такой стремительности никто не ожидал и не предвидел. Никаких новых постановлений сенат римский, однако же, не вынес, и послы поспешно отбыли в Испанию.

Осада Сагунта началась.

Сагунт был самым богатым и многолюдным среди городов Испании к югу от Ибера. Он стоял примерно в полутора километрах от моря, и первым источником его богатства надо считать морскую торговлю, а вторым – тучные, плодородные земли.

С опустошения этих земель и начал Ганнибал войну. Затем он подступил к самому городу, с той стороны, где городская стена выходит на сравнительно ровную долину: отсюда, решил Ганнибал, будет нетрудно подвести осадные навесы и под их прикрытием придвинуть таран.

Но место это лишь издали казалось выгодным для нападающих. Над укреплениями поднималась очень высокая башня, да и стена была выведена выше остального уровня. Вдобавок обороняли ее лучшие, отборные молодые воины, всякий раз бросавшиеся туда, где опасность была особенно велика. Сперва они осыпали врага стрелами и камнями, не давая ему поставить или построить надежное прикрытие, а потом, наскучив стрельбою со стены и осмелев, принялись делать вылазки. Вспыхивали короткие, беспорядочные схватки, в которых карфагеняне обычно теряли больше, чем сагунтяне. Кончилось тем, что сам Ганнибал был тяжело ранен дротиком в бедро. Видя, что он упал, карфагеняне пришли в неопишемое смятение и кинулись бежать; еще немного –

и все осадные навесы, все начатые работы были бы брошены на произвол врага.

На несколько дней – пока заживала рана Ганнибала – карфагеняне прекратили военные действия. Но строительные работы не останавливались, и вскоре война возобновилась с новой силой. Осадные навесы и тараны были теперь пододвинуты с нескольких сторон сразу: осаждающие решили использовать свое численное превосходство – их было около полуторасот тысяч, куда больше, чем осажденных, которые не могли поспеть повсюду. И вот тараны уже колотят в стену, уже рушатся укрепления и открывается широкая брешь – три башни подряд и два прясла между ними обвалились с оглушительным треском!

Карфагеняне были убеждены, что город пал и осажденные будут искать спасения в бегстве. Но дело обернулось так, словно рухнувшая стена одинаково прикрывала до тех пор и сагунтян, и пунийцев, – с таким ожесточением и яростью бросились они друг на друга. Завязалось настоящее сражение, нисколько не похожее на отчаянные стычки, какие обыкновенно случаются при взятии города, когда уже все решилось и победители только добивают побежденных, – тут сражались, словно в открытом поле, на каждом свободном от развалин клочке, между обломками стены и рядами домов.

Одних воодушевляла надежда, других – отчаяние; пуниец верил, что Сагунт уже взят и лишь еще одно, совсем небольшое усилие нужно для полного торжества, а сагунтяне

собственными телами прикрывали отечество, лишившееся стен, и никто не отступал ни на шаг, зная, что на оставленное им место тут же поставит ногу враг! И чем яростнее они сражались, чем теснее сплачивались ряды, тем больше раненых падало с обеих сторон, потому что ни один удар не пропал даром.

Сагунтяне метали длинные копья с круглым еловым древком и четырехгранным железным наконечником; нижнюю часть наконечника обматывали паклей, а паклю пропитывали смолой. Наконечник был длиною без малого метр, так что вместе со щитом мог пробить и грудь, которую этот щит прикрывал. Но даже и тогда, когда он застревал в щите, воин ронял оружие со страха, потому что, прежде чем метнуть копье, паклю поджигали, а в полете пламя разгоралось и жарко вспыхивало.

Долго исход боя оставался неясен, но ведь сперва сагунтяне и надеяться не смели на столь длительное сопротивление, а потому теперь воспрянули духом и внезапно, подняв оглушительный крик, вытеснили врагов в развалины стены. Пунийцы растерялись и, потеряв надежду на победу, сразу же почувствовали себя побежденными. Они бежали без оглядки и укрылись в своем лагере.

Римские послы у Ганнибала и в Карфагене.

Тем временем Ганнибалу сообщают, что прибыли послы из Рима. Им навстречу, к берегу моря, поспешили гонцы, которые объявили римлянам, что карфагенский полководец не ручается за самую их жизнь посреди такого множества разноплеменных и разъяренных солдат; да и некогда ему с ними беседовать – обстоятельства слишком трудные и напряженные. Не было никаких сомнений, что, не получив доступа к Ганнибалу, послы немедленно поплывут в Карфаген; и Ганнибал – тоже без промедления – отправляет письма к вожакам баркидов, чтобы они приготовились к борьбе с противною партией в сенате и не допустили никаких уступок в пользу римского народа.

В Карфагене послов приняли и выслушали, но результат был тот же, что у стен Сагунта. Только Ганнон выступил в защиту мирного договора с римлянами – сенаторы слушали его в глубоком молчании, но с явным неодобрением.

– Я предупреждал вас, – говорил Ганнон, – что не надо посылать к войску сына Гамилькара: ни душа этого человека в загробном царстве, ни потомки его среди живых не способны хранить спокойствие, и до тех пор будет под угрозой мир с римлянами, пока звучит имя Барки и сохраняется хоть капля его крови. Но вы не послушались – вы сами плеснули

масла в огонь, сами разожгли тот пожар, что полыхает ныне. Ваши воины осаждают Сагунт, нарушив договор, который запрещает им приближаться к этому городу; но вскоре римские легионы будут осаждать Карфаген – с помощью тех же богов, которые в прежнюю войну³ помогли им отомстить за оскорбленные и растоптанные договоры! Вспомните всё, что вы вынесли на суше и на море за двадцать три года той войны, а ведь тогда полководцем был не этот мальчишка, а Гамилькар – «второй Марс», как величают его друзья. Стало быть, боги победили людей, и самый исход войны, точно беспристрастный судья, решил спор о виновниках столкновения и нарушителях договора – решил, отдав победу тем, на чьей стороне была справедливость.

Поверьте мне, не к стенам Сагунта, а к нашим собственным стенам подвел ныне Ганнибал осадные орудия, наши стены сотрясают удары его тарана, и развалины Сагунта обрушатся на наши головы, потому что войну, начатую против сагунтян, вести придется с римлянами.

«Значит, выдать Ганнибала?» – спросят меня. Я знаю, мой совет едва ли будет принят, но скажу все, что думаю. Его не только надобно выдать в искупление дерзко разорванного договора, но даже, когда бы никто этого не требовал, его следовало бы сослать на край света, за тридевять морей, чтобы никогда и ничего больше о нем, не слышать и чтобы он уже никогда больше не смог нарушить спокойствие нашего

³ То есть в Первую Пуническую войну.

государства!

Никто не возразил Ганнону – сенат поддерживал Ганнибала столь единодушно, что всякие споры казались излишними. Римлянам дан такой ответ: войну начали сагунтяне, а не Ганнибал, и римский народ совершает несправедливость, если ради сагунтян жертвует старинной дружбой и союзом с карфагенянами.

Падение Сагунта.

Между тем как римляне теряли время попусту, ожидая возвращения послов, воины Ганнибала, изнуренные боями и осадными работами, получили несколько дней передышки: все боевые действия были приостановлены. Эти дни Ганнибал использовал на то, чтобы разжечь в своих людях ненависть к врагу и надежду на богатую добычу. На общей сходке он объявил, что город будет отдан победителям на разграбление, и все были в таком восторге, что прозвучи в этот миг сигнал к атаке – и никакою силою их нельзя было бы остановить. Впрочем, и осажденные сумели использовать передышку: они трудились без отдыха дни и ночи, чтобы закрыть проломы в стене.

Новый приступ карфагенян был намного яростнее предыдущего. Крики неслись со всех сторон сразу, и никто не понимал, где нужно защищаться в первую очередь. Сам Ганнибал находился подле громадной башни на колесах; она была выше всех городских укреплений, и каждый из ее этажей ломился под тяжестью катапульт и баллист. Когда ее придвинули вплотную, на осажденных обрушился ливень стрел и камней и смел их со стены. Ганнибал поспешил воспользоваться успехом и развить его: он выслал вперед без малого полтысячи африканцев с мотыгами, чтобы разрушить стену снизу. Дело оказалось нетрудным, потому что камни бы-

ли скреплены не известью, а по старинке – жидкою глиной. Мигом появились широкие бреши, и неприятельские отряды хлынули в город. Тут они захватывают какую-то высотку, втаскивают на нее катапульты и баллисты и обводят валом, так что внутри вражеского города у них появляется своя крепость. Но и сагунтяне возводят новую стену, отгораживая еще не захваченную часть города. Обе стороны и строят, и сражаются с величайшим напряжением сил, но с каждым днем все теснее становится убежище защитников Сагунта. Растет жесточайшая нужда, вызванная долгой осадой, тает надежда на помощь извне, ибо римляне далеко, а все окрест – в руках врага.

Ганнибал на время покинул Сагунт, чтобы усмирить два восставших племена, но натиск осаждающих несколько не ослабел. Напротив, были пробиты таранами новые бреши, и Ганнибал, вернувшись, повел своих на приступ городской цитадели. После ожесточенного боя, который и тем, и другим стоил многих убитых, часть цитадели была взята.

В эту пору двое посредников – один сагунтянин и один испанец – пытались хлопотать о мире, но безуспешно. Сагунтянин Алкон по собственному почину, не открываясь никому из сограждан, ночью пришел во вражеский лагерь, рассчитывая хоть сколько-нибудь тронуть Ганнибала мольбами и слезами. Но, услышав, на каких чудовищных условиях соглашается даровать сагунтянам мир разъяренный победитель, он из посредника превратился в перебежчика и остался у

неприятеля: человек, который решится передать сагунтянам эти условия, немедленно умрет, утверждал он. Но испанец Алорк все же решился. Он был воином Ганнибала, но еще задолго до войны получил от города Сагунта почетное звание друга и гостя.

Не сомневаясь, что побежденные телом побеждены и духом и что Алкон просто не желает возвращаться в осажденный город, Алорк открыто приблизился к вражеским караульным, передал им свое оружие и сказал, что хочет говорить с главою города. Тотчас собралась большая и пестрая толпа, но стража удалила всех посторонних, остались только сенаторы, и Алорк произнес такую речь:

– Если бы ваш земляк Алкон, который приходил к нам просить мира, вернулся в Сатунт с условиями Ганнибала, вы бы меня здесь не видели. Но он остался у врага: либо по собственной вине – если притворился, что боится вашего гнева, либо по вашей – если говорить вам правду и в самом деле опасно. А потому, помня старинную дружбу, которая нас с вами связывает, прихожу я. Вы должны знать, что и теперь есть еще пути к спасению и миру, хотя силы ваши иссякли, а надежда на помощь из Рима рассеялась. Конечно, этот мир не назовешь справедливым, но иного выхода нет. Победителю принадлежит всё, и что бы он ни оставил побежденным, надо считать подарком и благодарить за щедрость, а что бы ни отнял – смириться и не думать о потерях.

Победитель отнимает у вас город, который и так уже по-

что весь в его руках, но оставляет вам ваши поля и сам назначит место, где вы постройте новый город. Все золото и серебро, какое есть в частных домах и в казне, вы должны отдать, но жизнь и свободу вы сохраните – и вы сами, и ваши жены, и дети, – если согласитесь покинуть Сагунт без оружия и без поклажи. Вот требования Ганнибала, и, хотя они тяжелы и жестоки, сама Судьба ваша советует их принять. И я тоже советую вам: примите их, подчинитесь – это все-таки лучше, чем подставить грудь под вражеский меч и обречь на рабскую долю своих жен и детей.

Пока Алорк говорил, толпа, окружавшая сенат, мало-помалу проникла в самое здание, и простой люд смешался с сенаторами. А городские власти, не дав испанцу никакого ответа, внезапно и поспешно выбегают наружу, сносят на площадь золото и серебро из казны и из собственных домов и все мечут в костер; иные и сами бросаются в тот же огонь. Весь город объят страхом и смятением, и тут со стороны цитадели доносится шум нового приступа: башня, по которой долго били тараны, наконец обрушилась, и в пролом врывается отряд пунийцев. Осмотревшись, они дали знать полководцу, что ни караулов, ни стражи нигде – ни на стенах, ни на ближних к стенам улицах – не видно, и Ганнибал решил не упускать счастливого для себя случая. Он двинул вперед все войско, и в один миг город был захвачен.

Воины получили распоряжение никому из взрослых пощады не давать. Исход дела показал, что этот жестокий при-

каз был необходим: граждане либо запирались в домах, поджигали их и сгорали заживо вместе с женами и детьми, либо с оружием бросались на врага и бились до последнего дыхания. Добыча взята была громадная, хотя много имущества сагунтяне нарочно испортили и погубили сами, да и пленных удалось захватить не так уже много – разъяренные солдаты резали всех подряд, и взрослых, и детей.

Осада Сагунта длилась восемь месяцев.

Первый год войны – от основания Рима 536 (218 до н. э.)

Весть о падении Сагунта достигла Рима почти в одно время с возвращением посольства из Карфагена. Великая скорбь охватила сенаторов, но вместе со скорбью – и стыд за собственную нерасторопность, и гнев против карфагенян, и страх перед будущим (словно враг уже стоял у ворот). Оказавшись во власти стольких чувств сразу, они не способны были здраво рассуждать, и каждый думал лишь о том, что никогда еще не сталкивались римляне с таким неутомимым и таким воинственным противником и никогда еще сам Рим не был подготовлен к такой войне хуже, чем теперь. В мелких стычках с ничтожными племенами на границах римские солдаты скорее отучались владеть оружием, чем закалялись телом и духом. А пунийцы двадцать три года несут неслыханно трудную и суровую службу в Испании и за все эти годы не знали ни единого поражения. Они привыкли к своему вождю и верят ему. Разгромив богатейший город, еще не остынув после грабежа, они уже переходят Ибер; они подняли с насиженного места и ведут за собою множество испанских народов; они призовут к оружию всегда готовых к бунту галлов – и нам придется воевать с целым миром в самой Италии, а может быть, и перед стенами Рима.

Так в мучительной тревоге размышляли римские сенаторы.

Война объявлена.

Сенат еще до того определил, в каких краях будут вести боевые действия римские войска, – на латинском языке такие области военных действий звались провинциями. Теперь сенат приказал консулам разделить провинции меж собою по жребию. Консулы Публий Корнелий Сципион и Тиберий Семпроний бросили жребий, и Корнелию досталась Испания, а Семпронию – Африка вместе с Сицилией. Сенат разрешил консулам набрать шесть легионов, а численность союзного ополчения⁴ велел установить самим; судов приказано было снарядить как можно больше. Шесть легионов – это двадцать пять тысяч пехотинцев и тысяча восьмисот всадников; союзников становится под знамена сорок тысяч пехоты и четыре с половиною конницы; судов выходит в море двести сорок.

Затем созывается Народное собрание, и на вопрос консулов, угодно ли римскому народу объявить войну карфагенянам, народ отвечает: «Угодно!» По всем храмам города жрецы служат молебствие перед алтарями, чтобы боги даровали счастливый исход будущей войне.

⁴ Кроме легионов, набиравшихся из полноправных римских граждан, в войске были подразделения латинян (жителей Латия, ближайшей к Риму области Италии, и выходцев из этой области) и других союзных италийских племен. Среди всех союзников латиняне занимали самое высокое, привилегированное положение.

С двумя легионами и шестнадцатью тысячами союзной пехоты Семпроний отплыл в Сицилию, чтобы затем переправиться в Африку, – если второй консул сможет отразить нападение пунийцев на Италию собственными силами. Корнелий получил тоже два легиона и немногим меньше союзной пехоты, чем Семпроний. Оставшиеся два легиона и десять тысяч союзников были отданы под начало претору Луцию Манлию и посланы в Римскую Галлию⁵ с тою же целью – преградить путь карфагенянам.

⁵ То есть в Северную Италию, населенную галльскими племенами, но уже покоренную Римом.

Второе посольство в Карфаген.

Когда эти приготовления были завершены, сенат, желая объявить войну по всей справедливости и по всем правилам, отправляет в Африку еще одно посольство. Римские послы были приняты карфагенским сенатом, и глава посольства Квинт Фабий спросил:

– Как осадил Ганнибал Сагунт – с вашего ли согласия и одобрения, господа сенаторы, или по собственному почину? Тут же кто-то из карфагенян отвечал:

– И первое ваше посольство, римляне, когда вы прямо требовали выдать Ганнибала, было грубой опрометчивостью, и нынешнее не назовешь менее грубым и необдуманым, пусть даже ваши слова звучат теперь мягче и сдержаннее. Да, потому что теперь уже не о Ганнибале «дет речь, а о нас самих: мы должны признать свою вину и дать вам немедленное удовлетворение. Но суть дела, по-моему, совсем не в том, как началась осада Сагунта – с нашего ли ведома или нет, – важно другое: были при этом оскорблены право и справедливость или не были. Во всем, что касается проступков нашего гражданина, мы намерены разобраться сами, с вами же готовы обсудить только одно – нарушен ли наш с вами договор.

Вспомните же, что в договоре и Риму, и Карфагену оставлено право защищать своих союзников, но о сагунтянах там

нет ни слова, потому что в ту пору они еще не были вашими союзниками. Да, возразите вы мне, но это старый договор, после него был заключен новый – с Гасдрубалом. Но ведь и вы тоже считаете себя связанными лишь такими договорами, которые составлены по воле сената и народа, а между тем Гасдрубал даже не известил нас о своих переговорах с римлянами. Так что оставьте-ка в покое Сагунт и реку Ибер и выскажите наконец то, что уже давно у вас на душе.

Тогда Квинт Фабий сложил край своей тоги вдвое и резко объявил:

– Глядите, здесь лежат война или мир, которые мы вам привезли. Выбирайте!

Не менее резок был и ответ.

– Что хочешь, то и давай! – отозвались сенаторы.

– Ну, так вот вам война! – сказал римлянин, распуская складку.

И все в один голос закричали:

– Принимаем! И воевать будем с такою же решимостью, с какою нынче приняли ваш подарок!

В безуспешных поисках союзников.

Из Карфагена римские послы отплыли в Испанию, чтобы склонить тамошние государства и племена к союзу с Римом или хотя бы расстроить их дружбу с пунийцами. Первыми, кого они посетили, были баргусии, которые встретили римлян вполне радушно: могущество Карфагена было им я тягость. Ободренные этой удачей, послы отправились дальше и во многих народах, обитавших южнее Ибера, пробудили жажду мятежа. Но затем очередь дошла до волькианов; ответ волькианов, который сразу же стал известен всей Испании, лишил римлян всех прежних удач и безнадежно осрамил их на будущее. В Собрании, перед которым появились послы, выступил ветхий старик – возможно, самый старый во всем племени – и сказал так:

– Нет у вас, римляне, ни стыда, ни совести, если вы уговариваете нас предпочесть вашу дружбу карфагенской! Ведь вы предали своих союзников, которые склонились на такие же уговоры, и в вашем предательстве больше жестокости, чем в бешеном гневе врагов, пунийцев. Ищите же союзников там, где о гибели Сагунта никто не знает. Для испанцев развалины Сагунта навсегда останутся страшным уроком и грозным предупреждением.

Немедленно вслед за тем послам велели покинуть землю волькианов, и уже нигде в Испании они не слышали ниче-

го иного. Убедившись, что все их усилия бесполезны и бесплодны, они отправились в Галлию.

Галлы отличаются и от римлян, и от испанцев тем, что приходят в Собрание вооруженными. Блеск оружия смутил и испугал послов, но они сумели справиться со своею растерянностью. Вначале они прославляли величие и доблесть римского народа, описывали, как далеко простирается его власть, а под конец просили галлов не пропускать через свои поля и города карфагенян, идущих войною на Италию. В ответ загремел такой оглушительный хохот, что начальники и старики лишь с большим трудом восстановили порядок, — до того глупой и наглой показалась эта просьба, чтобы галлы, спасая Италию, обратили острие войны против себя самих. Когда шум наконец улегся, послам был дан ответ, что галлы не видели от римлян таких благодеяний, а от карфагенян таких обид, которые побудили бы их взяться за оружие в защиту одних или против других. Мало того, доносится молва, будто ближайшие родичи галлов терпят от римского народа всяческие утеснения: будто галлов гонят прочь из Италии и заставляют платить дань.

Такие речи римским послам приходилось выслушивать повсюду в Галии, пока они не прибыли в Массилию: этот город был истинным и верным союзником Рима. Массильские власти тщательно разузнали все, что занимало и тревожило послов. Оказалось, что Ганнибал уже сговорился с галлами. Впрочем, и ему не удастся хранить согласие с этим народом,

таким диким и неукротимым, если время от времени он не будет радовать сердца вождей золотом, до которого галлы необыкновенно жадны.

Итак, изъездив Испанию и Галлию, послы возвратились в Рим, где все было полно тревоги и напряженного ожидания: ходили упорные и как будто достоверные слухи, что пунийцы уже перешли Ибер.

Приготовления к походу.

Взяв Сагунт, Ганнибал ушел на зимние квартиры в Новый Карфаген. Получив известия о последних событиях в Риме и Карфагене, он поспешил раздать и распродать остатки добычи, а затем созвал на сходку воинов испанского происхождения.

– Вы сами понимаете, друзья-союзники, – сказал он им, – что теперь, когда все народы Испании покорены, нам остается либо распустить войско, либо начать новую войну, в иных краях. Но я убежден, что лишь тогда испанские племена смогут воспользоваться благами не только мира, но и победы, когда мы начнем искать добычи и славы в чужих пределах. Итак, вас ожидает далекий и долгий поход, не скоро доведется вам снова увидеть свой дом и своих родных, а потому всякий, кто хочет повидаться с близкими, может получить отпуск. Но к началу весны все должны возвратиться, и с помощью богов мы начнем войну, которая принесет нам безмерную славу и несметную добычу.

Мало нашлось воинов, которых бы не обрадовало это разрешение: почти все уже стосковались по дому, а теперь вдобавок обнаружилось, что предстоит разлука куда дольше прежней. Отдых длился целую зиму и подготовил тело и дух к новым испытаниям. Ранней весной войско Ганнибала снова было в сборе, точно исполнив приказ.

Но пока карфагеняне держат путь в Италию, римляне из Сицилии могут напасть на Африку. Опасаясь этого, Ганнибал решил поставить в Карфагене и других африканских городах сильные сторожевые отряды из испанцев, а взамен потребовал подкрепления, из Африки: он нисколько не сомневался, что каждый воин лучше будет нести службу вдали от дома, когда две половины Карфагенской державы словно бы обмениваются заложниками. Верховное начальствование в Испании он поручил своему брату Гасдрубалу, оставив ему немалое пешее войско, флот для обороны побережья и боевых слонов.

Ганнибал в пути. от Ибера до Родана.

Завершив все приготовления, Ганнибал выступил в поход. Рассказывали, что уже недалеко от Ибера он увидел вещий сон. Появился юноша божественной наружности и назвался посланцем Юпитера.

«Я поведу тебя в Италию, – возвестил он Ганнибалу. – Следуй за мной, но только не вздумай оборачиваться или глядеть по сторонам».

Ганнибал в испуге повиновался и сперва шел, не озираясь, но мало-помалу свойственное человеку любопытство взяло верх над страхом, к он оглянулся и увидел громадного змея, который полз за ним по пятам, сокрушая лес и кустарник, а за змеем ползла грозовая туча, то и дело раскалывая небо громом.

– Что означает это страшное знамение? – спросил Ганнибал своего проводника.

– Разорение Италии, – услышал он в ответ. – Но поспешай вперед, ни о чем более не спрашивай и не пытайся заглянуть в будущее.

Переправившись через Ибер (для скорости войско разделилось на трое, и все три части – девяносто тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы – переходили реку одновременно), Ганнибал послал своих людей к галлам, хозяевам тех земель, по которым ему предстояло пройти. Послы должны

были задобрить галлов подарками и разведать, альпийские перевалы.

Первыми противниками Ганнибала оказались испанские племена, обитавшие между Ибером и Пиренейскими горами: илергеты, баргусии, авсетаны и лацетаны. Когда они покорились, карфагенское войско начало переход через Пиренеи. Тут только варвары поняли, что это значит – «война с Римом», и три тысячи пехотинцев из племени карпетанов дезертировали; все знали, что испугала их не столько сама по себе война, сколько далекий путь и неприступные Альпы. Уговорить их вернуться добром казалось Ганнибалу едва ли возможным, а удерживать силой – просто опасным, потому что тогда, вероятно, взбунтовались бы и остальные испанцы, все, как один, раздражительные и необузданные, и потому он отпустил по домам еще семь тысяч малодушных, сделав вид, будто и карпетаны тоже ушли с его согласия.

Затем, чтобы безделье не смущало и не тревожило души воинов, Ганнибал проворно завершил переход через горы и стал лагерем у северного их подножия. Галлы слышали от послов, что война направлена против Италии, но молва об испанцах, которых карфагеняне покорили силою, очень их пугала. Несколько галльских племен взялись за оружие. Больше, чем войны с галлами, Ганнибал боялся задержки и промедления. Его послы тут же прибыли к вождям этих племен и от имени полководца объявили:

– Ганнибал желает переговорить с вами лично и готов

встретиться в любом месте, какое вы сами назначите: он будет рад принять вас в своем лагере, но с не меньшей охотой приедет и к вам. Не сомневайтесь, он пришел в Галлию гостем, а не врагом и обнажит меч не раньше, чем переступит границу Италии. Разве только вы сами заставите его изменить этому решению...

Галльские вожди встретились с Ганнибалом у него в лагере, получили подарки и вполне миролюбиво пропустили войско через свои владения.

Между тем поднялись галльские племена в самой Италии – словно не Пиренеи перешел Ганнибал, а уже Альпы. Восставшие действовали так успешно, что сенат приказал консулу Публию Корнелию отправить для борьбы с ними целый легион и пять тысяч союзкой пехоты на помощь претору Луцию Манлию. Консул набрал новый легион взамен отправленного против галлов и на шестидесяти грузовых судах отплыл из Рима.

После долгого плавания Корнелий остановился и высадился у самого восточного устья Родана – эта река впадает в море несколькими рукавами, – все еще не слишком веря известию, что Ганнибал перевалил через Пиренеи. Но тут же обнаруживается, что пуниец уже вот-вот переправится и через Родан, а где – никто не может сказать. Консул высылает вперед, на разведку, отборный отряд римской конницы с массильскими проводниками: это не только позволяет ему получить нужные сведения о противнике, но и дает возмож-

ность прийти в себя солдатам, измученным качкою на море.

Переправа через Родан.

Ганнибал находился тем временем во владениях сильного галльского племени вольков, которое живет по обоим берегам Родана. Не рассчитывая остановить пунийца в открытом бою, вольки почти всем племенем перебрались на левый берег и там укрепились, положив меж собою и врагом преградою реку. Зато прочие галлы, населявшие земли вдоль Родана, и даже те среди вольков, что не захотели бросить насиженные места, поддались на уговоры Ганнибала и на его щедрость и согнали для карфагенян все лодки и корабли, какие только смогли найти, да еще и новых построили немало; впрочем, они и сами мечтали поскорее избавить свои поля от жадной и хищной толпы чужеземных солдат.

И вот собралось несметное множество лодок и челнов, снаряженных кое-как, способных выдержать лишь самый недолгий путь.

Галлы долбили челноки из цельных стволов, а глядя на них и убедившись, какое нехитрое это дело, взялись за топоры и солдаты. Правда, их челноки больше напоминали корыта, чем лодки, но карфагеняне ни о чем ином и не заботились, кроме того, чтобы эти корыта держались на воде и вмещали груз.

Когда все было готово, Ганнибал вызвал Ганнона, сына

Бомилькара, и приказал ему в первую стражу ночи⁶ выйти из лагеря с отрядом конницы и испанских пехотинцев. Поднявшись вверх по Родану на один дневной переход, они должны были в первом же пригодном для этого месте пересечь реку неслышно для вольков, чтобы затем, в нужный миг, ударить им в тыл. Проводники-галлы сообщили, что примерно в тридцати километрах от лагеря есть очень широкое, но зато сравнительно мелкое место: река разделяется на два рукава, обтекая небольшой островок. Там поспешно вяжут плоты и перебрасывают на другой берег коней, всадников и поклажу.

Испанцы же надули кожаные мехи, предварительно сложив туда свое платье, сверху привязали щиты и, держась за эти поплавки, переплыли Родан.

Воины были очень утомлены ночным переходом и трудом, но Ганнон дал им на отдых всего день — он спешил исполнить замысел полководца. Продолжив свой путь, они вышли к какому-то холму и на вершине разложили костер. Завидев дым, Ганнибал понял, что нельзя терять ни минуты, я тут же дал знак начинать переправу. У пехотинцев стояли наготове челноки и лодки, у всадников — суда покрупнее, чтобы грузить лошадей. Лодки переправлялись ниже, Крупные суда — выше, чтобы первыми принять на себя напор течения и ослабить его силу. Кони во множестве плыли следом за лодками,

⁶ «Ночью» в римском войске считалось время приблизительно от шести вечера до шести утра. За эти двенадцать часов караулы сменялись четыре раза, и потому ночь делилась на четыре стражи.

привязанные поводьями к корме, а те, которых погрузили на суда, были заранее взнузданы и покрыты чепраками⁷, чтобы всадники могли ринуться в бой, едва только высадутся.

Вольки высыпали на берег с завываниями и боевыми песнями; в левой руке каждый держал щит, потрясая им над головой, в правой – дротик. Зрелище, которое им открылось, было достаточно грозным: туча судов на белой от пены, оглушительна ревущей воде, разноголосые крики лодочников и солдат – и тех, что боролись с течением, и тех, что ободряли товарищей, оставаясь пока на суше. Галлы оробели, а тут еще поднялся отчаянный шум у них за спиной – это Ганнон ворвался в их лагерь. Вскоре он был на берегу, и вольки очутились меж двух огней. После нескольких тщетных попыток отразить опасность они бросились в ту сторону, где путь к бегству еще оставался открытым, и, полные ужаса, рассыпались по своим селам. Впрочем, Ганнибал и не думал за ними гнаться.

О том, как переправили слонов, рассказывают по-разному. По одним сведениям, их собрали всех вместе на берегу, и погонщик принялся дразнить самого злого и раздражительного среди них. Когда зверь пришел в неистовство, погонщик прыгнул в реку и поплыл, слон – за ним, а следом двинулись и остальные. Правда, глубины они боялись, но, когда

⁷ Кожаные седла, несколько напоминающие нынешние, впервые появились лишь лет через двести пятьдесят – триста после Второй Пунической войны. До тех пор седло заменяла попона, или чепрак.

дно под ногами исчезло, течение мигом вынесло все стадо к противоположному берегу.

Впрочем, больше доверия вызывает другой рассказ – что их перевезли на пароме. Плот длиною почти в шестьдесят метров, а шириною в пятнадцать одним концом спустили на воду, а другим – накрепко привязали к берегу толстыми канатами. Получилось что-то вроде моста, который сверху засыпали слоем земли, чтобы животные чувствовали себя уверенно и ничего не боялись. «Мост» продлили вторым плотом, таким же точно по ширине, но в половину короче. Слонов погнали цепочкою, поставив впереди самок. Когда с неподвижного плота они перешли на плавучий, его тут же отвязали, и быстроходные лодки потянули паром за собой. Так в несколько приемов переправили всех слонов.

Пока паром не отделялся от «моста», никаких признаков тревоги, разумеется, не было, но посреди реки крайние принимались испуганно тесниться к тем, что стояли дальше от края, однако же самый страх перед водою, плескавшеюся со всех сторон, водворял среди животных порядок. Иные из них, Впрочем, так и не смогли успокоиться и срывались в воду; но и тут ни один не утонул – все благополучно, хотя и не сразу отыскивали брод.

Пока переправляют слонов, пятьсот нумидийских всадников уходят, по приказу Ганнибала, в разведку, чтобы выяснить, где римляне разбили лагерь, сколько их и что они замышляют. Эти всадники встретились с конным отрядом

римских разведчиков, который двигался от устья Родана. Стычка была на редкость ожесточенная, и римляне уже изнемогали от усталости, когда нумидийцы дрогнули и повернули коней. Победители потеряли сто шестьдесят человек, побежденные – больше двухсот. Первая схватка с неприятелем правдиво возвестила римлянам весь ход дальнейших событий: войну они выиграют, но борьба будет долгой, кровавой и богатой самыми тяжкими для них неожиданностями.

От Родана до подножия Альп.

Ганнибала взяло сомнение: продолжать ли начатый поход или сперва сразиться с теми, кто старается преградить ему дорогу. Он уже склонялся к тому, чтобы дать сражение, но тут явились послы боев – одного из тех галльских племен, что поднялись против римлян в самой Италии. Они предлагали себя в проводники и вызывались разделить с карфагенянами любые опасности.

– Все силы, – говорили посланцы боев, – надо сохранить и сберечь для вторжения в Италию.

А солдаты боялись врага, и по-прежнему их не столько страшила память о римских победах в Первую Пуническую войну, сколько долгий, никем еще не мерянный путь и Альпы. Поэтому, согласившись с боями и решив идти вперед без промедления, Ганнибал созвал сходку и произнес искусную речь, стараясь и пристыдить своих воинов, и внушить им отвагу.

– Теперь, – говорил он, – когда большая часть пути уже позади, когда мы одолели Пиренеи, пробив себе дорогу среди свирепых варваров, когда перешли Родан, сломив сопротивление стольких тысяч галлов и даже силу течения укротив, точно дикого зверя, перед Альпами, по другую сторону которых уже Италия, – неужели теперь, у самых ворот врага, мы остановимся, обессилев? Да и что такое эти Альпы?

Высокие горы, и ничего больше! Вы боитесь, что они выше Пиренеев? Пусть так, но нет на всей земле вершины, которая касалась бы неба и была неприступна для человека! Альпы! Да на них и люди живут, и растет хлеб, и пасутся стада! Кто станет утверждать, что их перевалы наглухо закрыты для войска? Каким же тогда образом попали сюда эти послы, которых вы видите перед собою? Не на крыльях же прилетели! А их предки – разве они родились в Италии? Нет, они пришли туда, пришли из-за этих самых Альп и не один раз преспокойно через них переваливали громадными толпами, с женами и детьми, наподобие обыкновенных переселенцев. Что может быть неприступным, неодолимым для солдата, у которого нет с собою ничего, кроме оружия? Ради того, чтобы взять Сагунт, каких только мук мы не вытерпели за восемь месяцев осады! Теперь наша цель – Рим, столица всего мира, и мы откажемся от этой цели, испугавшись жертв, мук и трудов? Этот город был в свое время добычею галлов⁸, а пуниец и подступить к его стенам не рассчитывает и не надеется. Ну что же, признаемся, что мы трусливее и малодушнее того народа, который сами столько раз били за последние дни!.. Не хотите? Тогда запомните, что концом нашего пути будет Марсово поле меж Тибром и стеною Рима!

На другой день войско снялось с лагеря. Ганнибал двинулся вдоль Родана вверх, желая уйти подальше от моря и от

⁸ Галлы захватили Рим примерно за полтора столетия до Второй Пунической войны.

консула Корнелия. Чтобы уберечь солдат от лютых альпийских морозов, надо было позаботиться о теплой одежде, и дорогою удалось сделать большой запас зимнего платья.

Первым препятствием на их пути оказалась река Друенция. Среди всех рек Галлии она для переправы самая трудная, потому что воды несет массу, а ни одно судно или хотя бы лодка по ней пройти не может: постоянных берегов у нее нет, и она то и дело меняет русло, образуя всё новые мели и водомоины, да вдобавок катит острые камни. Понятно, что не менее опасна она и для пешего, который пускается вброд. Легко себе представить, какой страх и смятение царили на переправе, тем более что как раз тогда Друенция вздулась от обильных дождей.

Альпы! Альпы!

Перейдя Друенцию, Ганнибал легко достиг подножия Альп. Молва всегда и всё преувеличивает, и воины, казалось, были готовы ко всему, но тут, увидев вышину гор, снега, теряющиеся в облаках, убогие хижины, прилепившиеся к скалам, тощий, высушенный стужей скот, грязных людей, обросших волосами и бородой, – увидев это собственными глазами, они ужаснулись.

Войско начало свой первый подъем, и тут же на холмах, что нависали над склоном, по которому карабкались карфагеняне, появились горцы. Если бы они выбрали другую, лучше укрытую позицию, то смогли бы ударить совершенно неожиданно и учинили бы настоящее побоище. Ганнибал отдал приказ остановиться и выслал вперед галлов, которым эти места были знакомы. Когда разведчики доложили, что горцы прочно закрыли подход к перевалу, он велел разбить лагерь прямо на склоне.

Те же галлы-разведчики, мало чем отличавшиеся от горцев и хорошо понимавшие их язык, незаметно смешались с ними, завели разговоры и вскоре выведали, что на ночь все расходятся по домам, бросая свои посты. Утром Ганнибал придвинулся вплотную к холмам, словно бы намереваясь днем пробиться к перевалу силой. День прошел в этих обманных попытках сбить противника с его позиций, а к ве-

черу карфагеняне вернулись в прежний лагерь. Ганнибал не отрываясь наблюдал за холмами и, как только убедился, что защитники ушли, оставив лишь редкие и малочисленные караулы, немедленно с несколькими отрядами пехотинцев занял все высоты.

На рассвете пунийское войско снялось с лагеря. Проснулись и горцы и направились было ко вчерашним своим постам, как вдруг обнаружили, что часть неприятелей захватила их твердыню, а другая часть движется по тропе, огибая склон.

Сперва они оцепенели от удивления, но потом, видя суматоху и беспорядок на тропе, видя, что люди в страхе теснятся, мешая друг другу, а кони обезумели вконец и рвут поводья, сообразили, что надо только усилить это замешательство, и враги погубят сами себя. И вот они сбегают вниз, не разбирая дороги, и пунийцы уже борются и с узостью ненадежной тропы, и с врагами одновременно и больше поражают друг друга, чем неприятелей, потому что каждый думает только о себе – как бы поскорее увильнуть от опасности самому.

Больше всего вреда причинили карфагенянам собственные кони. Они были насмерть перепуганы разноголосым криком, который усиливало и многократно повторяло эхо в горных долинах, и любая рана, даже совсем легкая, приводила их в совершенное неистовство; они сбрасывали тюки с поклажей, сталкивали с тропы погонщиков, и всё летело в

бездонную пропасть; немало разбилось и воинов.

Тяжко и мерзко было Ганнибалу на это смотреть, но он не трогался с места, чтобы не увеличивать смятения на запруженной до отказа тропе. Однако горцы уже отсекли обоз от основных сил, а войско без обоза, даже целое и невредимое, мало чего стоит, и Ганнибалу пришлось спуститься. Легкая пехота с ходу, одною силою натиска, рассеяла врага, зато и паника в рядах пунийцев вспыхнула с новой силой. Правда, она сразу же улеглась: горцы бежали, путь очистился, и обозные прошли беспрепятственно, в тишине и покое.

В следующие три дня Ганнибал продвинулся довольно далеко вперед, потому что и дорога была не такая уж трудная, и горцы больше не показывались.

Теперь карфагеняне были во владениях другого горного племени; здесь они едва не пострадали от того, в чем были особенно сильны сами, – от коварства и обмана. К Ганнибалу явились старейшины из нескольких крепостей и сказали ему так:

– Пример наших соседей послужил хорошим уроком и для нас. Мы хотим узнать твою дружбу, а испытывать твою силу не хотим нисколько. Мы исполним все, что ты нам ни прикажешь. Прими же продовольствие для солдат, корм для скота и проводников, которые поведут тебя дальше, прими и заложников – ради собственного спокойствия.

Ганнибал не дал веры их льстивым словам, но отвечал ласково и благосклонно, опасаясь, что любой иной ответ

превратит этих льстецов в открытого неприятеля. Он принял и заложников и съестные припасы, но войско к переходу из-готовил совсем не так, как поступают в дружественной земле: впереди он поставил слонов и конницу, а сам с главными силами пехоты шел следом, зорко озираясь по сторонам, готовый ко всяким неожиданностям.

Сперва все было спокойно, но когда дорога сузилась и с одного края над нею навис крутой скат, вдруг из засады выскакивают варвары.

Они нападают сразу и с фронта, и с тыла, завязывают рукопашную и сбрасывают сверху огромные камни. Больше всего врагов наседало сзади, и, если бы хвост карфагенской колонны не был так надежно укреплен, беда оказалась бы неминуемой и непоправимой.

Ганнибал медлил, не решаясь повернуть назад пехоту, находившуюся под прямым его началом, и, пока он медлил, горцы скатились по круче, разорвали походную колонну врага надвое и оседлали дорогу. Всю ночь Ганнибал оставался отрезанным от своей конницы и обоза, и только наутро обе половины войска снова соединились и прошли злополучное ущелье: натиск варваров был в этот день куда слабее, чем накануне.

В дальнейшем действия горцев напоминали скорее разбойничьи набеги, чем войну. Они появлялись мелкими группами и тревожили то самую голову, то самый хвост походного строя, используя всякое преимущество, какое давала им

горная местность или же неосторожность самих карфагенян.

По узким тропам, над обрывами и пропастями слоны двигались, разумеется, очень медленно, но зато они повсюду служили прекрасной защитой остальному войску: горцы, никогда прежде не видевшие этих животных, боялись их и не смели приблизиться.

На девятый день карфагеняне достигли вершины Альпийского хребта.

Поднимались почти все время наобум, без дороги; виною тому было либо коварство галлов-проводников, либо чрезмерная опасливость самих пунийцев, которые не доверяли проводникам и не слушались их советов. Здесь Ганнибал разбил лагерь и стоял два дня, чтобы дать отдых солдатам. Многие из выючных мулов и лошадей, потерявшихся было среди скал, добрались до лагеря по следам, которые оставляло за собою войско. Ко всем бедствиям, которые карфагеняне уже испытали, здесь прибавилось еще одно – снегопад. На рассвете они начали спуск, утопая в снегу и с трудом переставляя ноги.

Уныние и отчаяние были на всех лицах; и тогда Ганнибал, который шагал впереди знамен, остановил войско на просторном выступе, откуда открывался широкий и далекий вид на прилегающую к Альпам долину Пада, и обратился к солдатам с немногими словами ободрения.

– Взгляните, перед вами Италия, – объявил он, – и сегодня вы вошли не только на ее стены, но и на стены города Ри-

ма. Дальше дорога будет гладкой и легкой. Одна, на крайний случай, две битвы – и столица Италии будет в ваших руках и в вашей власти.

Врага больше не показывались, если не считать случайных налетов исподтишка, зато самый спуск обернулся немислимыми трудностями, потому что южный склон Альп короче и гораздо круче северного.

Любая тропа была крутой, узкой и скользкой. Кто хоть на миг терял равновесие, уже не в силах был удержаться на ногах; люди и животные валились друг на друга, сшибая передних.

И всё же карфагеняне подвигались вперед, пока не дошли до очень узкой и почти отвесной расселины. Даже совсем налегке воины едва-едва могли сползти вниз, цепляясь за кусты и корни, пробивающиеся между камнями. Глубиною расселина была метров триста.

Конница остановилась: для нее путь был закрыт наглухо. Ганнибал сам осмотрел все вокруг и, убедился, что не остается ничего иного, как вести войско в обход, по местам, где раньше не ступала человеческая нога. И снова неудача: поверх старого, смерзшегося снега лежал новый, мягкий и неглубокий, и сперва шагать по нему было легко и удобно, но под солдатскими башмаками и лошадиными копытами он начал таять и быстро обратился в жидкую кашу, размазанную на гладком льду.

Жалостным и мучительным было это зрелище – борьба

людей со скользким, покатым склоном. Срываясь, солдаты пытались вскарабкаться обратно на четвереньках, но ладони и колени держали так же плохо, как подошвы, и они срывались снова. И нигде ни травинки, ни корешка, чтобы ухватиться или поставить ногу, — только лед да талый снег пополам с водой.

Что же до животных, то они иной раз проламывали и нижний слой снега и тогда словно бы попадали в капкан. Стараясь вырваться, они отчаянно бились и в конце концов, раскрошив ледяную корку, завязали окончательно.

Изнулив без толку и людей, и животных, Ганнибал отдал наконец приказ остановиться лагерем тут же, на хребте. Чтобы расчистить место для лагеря, пришлось скрыть и раскидать целую гору снега. Когда воины немного передохнули, их повели прокладывать дорогу — снова к той расселине, которую прежде Ганнибал нашел непроходимой. Солдаты валят высокие и толстые деревья, очищают их от ветвей и громоздят стволы один на другой, а как только поднимается ветер, чтобы раздуть пламя пожарче, зажигают этот исполинский костер; когда же костер гаснет, льют на раскаленные камни уксус, разрыхляя скалу. Железными кирками они вырубают затем дорогу, смягчая и скрадывая крутизну многочисленными поворотами, — дорогу, годную не только для мулов и коней, но и для слонов.

Работы заняли четыре дня, и скот падал от голода, потому что на вершинах не растет почти ничего, а если что и растет,

так все равно спрятано под снегом. Зато пониже карфагеняны ждали теплые, солнечные долины, ручьи, леса, луга. Здесь откормились животные и набрались сил люди. После отдыха они за три дневных перехода миновали предгорья и вышли на равнину.

Весь переход из Испании в Италию продолжался пять месяцев, переход через Альпы – пятнадцать дней. Сколько войска привел в Италию Ганнибал, в точности никому не известно, а приблизительно – восемьдесят тысяч пехоты и десять тысяч конницы.

От Альп до Тицина.

Карфагеняне стали лагерем в земле галлов-тавринов. Обстоятельства складывались очень удачно для Ганнибала: таврины воевали со своими соседями, галлами-инсубрами, и стоило прийти на помощь одной из сторон, чтобы тут же обзавестись первыми союзниками. Но только теперь, на отдыхе, воины ощутили по-настоящему, как много они перенесли. Покой после непосильных трудов, изобилие после нужды, чистота и тепло после холода, сырости и грязи разбредили все раны, расслабили мышцы. Ганнибал не смог бы заставить своих людей сразу же выйти в поле.

Это прекрасно понимал консул Публий Корнелий, который возвратился из Галлии морем и принял командование над войском, лишь незадолго до того набранным (свое войско, под начальством брата, Гнея Корнелия Сципиона, он отправил из Галлии в Испанию), и он спешит к реке Паду, чтобы схватиться с неприятелем, пока тот еще не совсем оправился. Но тем временем Ганнибал успел сняться со стоянки и захватить главный город тавринов⁹, которые не желали принять его дружбу. Впрочем, не то чтобы не желали: как и остальные галльские племена вдоль Пада, они охотно присоединились бы к Ганнибалу, если бы не страх перед консу-

⁹ Ныне Турин. В этом итальянском географическом названии дошло до наших дней – чуть измененное – имя исчезнувшего галльского племени.

лом, которого ждали со дня на день... Убедившись, что галлы всегда поддержат лишь того, кто окажется подле, Ганнибал покинул владения тавринов и выступил навстречу Корнелию.

Корнелий переправился через Пад и подошел к реке Тицину. Оба войска были уже совсем рядом, битва надвигалась, и, чтобы подбодрить своих людей, консул произнес примерно такую речь:

– Если бы со мною было сейчас то войско, с которым Я расстался в Галлии, я бы промолчал, не сказал ни слова. Зачем, в самом деле, обращаться с ободрениями к той коннице, которая наголову разбила вражескую конницу у Родана, или к той пехоте, которая гнала Ганнибала, преследовала его по пятам? Ведь если враг отступает и уклоняется От битвы, значит, он отдает победу в наши руки! Но для вас, солдаты, я – новый начальник, и вы для меня – новые подчиненные, а потому выслушайте несколько слов перед близким уже боем.

Прежде всего, кто наши враги? Те же самые карфагеняне, которых мы били на суше и на море в Первую Пуническую войну. Значит, и сегодня мы будем сражаться с отвагою и весельем победителей, а они – со страхом и унынием побежденных. Далее: переход через Альпы отнял у них две трети пехоты и столько же конницы. Те же, кто остался в живых – не люди, а только тени людей, измученные голодом, холодом, грязью; их руки, ноги, спины, бока побиты, переломаны, ободраны на скалах, камнях и утесах, обожжены моро-

зом; их оружие притупилось, их кони охромели. Боюсь, как бы после нашей победы не стали говорить, что, дескать, не римляне одолели Ганнибала, но Альпы.

Сражаясь с Ганнибалом, вы будете испытывать не только обычные во всяком сражении чувства, но еще особую ненависть и особый гнев, словно бы умиряя восставших рабов. Ведь в первую войну с карфагенянами мы могли бы переморить голодом все их войско, окруженное в Сицилии, могли переплыть в Африку и без всякого сопротивления стереть их город с лица земли. Но мы пощадили побежденных, даровали им мир и даже приняли под свою защиту. И какова же их благодарность? Они идут на Рим!

Поймите – как ни горько в этом убедиться, – что не славы ищем мы в нынешней войне, но спасения родины, не за Сицилию и Сардинию боремся, как тридцать лет назад, но за Италию. Нет за нашей спиной другого войска, которое остановит неприятеля, если обратимся в бегство мы, нету других Альп, которые встанут у него на пути и дадут нам время снова собраться с силами. А потому здесь мы будем биться с таким же упорством, с каким бились бы под самыми стенами Рима.

Обратился с речью к своим воинам и Ганнибал. Но предварительно он велел привести пленных горцев и спросил, «то из них согласен сразиться друг с другом под условием, что победитель получает свободу, доспехи и коня. Все, как один, захотели испытать счастье с оружием в руках, и тогда Ган-

нибал предложил им бросить меж собою жребий. Те, кому выпадало сражаться, от радости пускались в пляс, неистово скакали и прыгали – по обычаю всех галлов. Так составилось несколько пар, и начались поединки, до того разгорячившие и раззадорившие всех зрителей – не только пленных, но и карфагенян, – что погибших храбрецов восхваляли едва ли не громче, чем оставшихся в живых.

Видя это всеобщее воодушевление, Ганнибал поспешил открыть сходку.

Он сравнивал участь своих с участью пленников, которые только что боролись и умирали у них на глазах, и утверждал, что их собственное положение ничуть не легче. Слева и справа они заперты двумя морями, за спиною у них – Альпы, впереди – широкий и бурный Пад. Победить или погибнуть в первом же сражении – иного выбора нет. Зато победителям судьба сулит неслыханно щедрую награду.

Он уверял своих, что победа над римлянами совсем не так трудна, как может показаться с первого взгляда, что карфагенское войско и опытнее, и сильнее римского, а начальников и сравнивать не стоит – настолько он, Ганнибал, выше консула Корнелия.

– Мы нападаем, – говорил он, – а у нападающих всегда больше отваги и бодрости, чем у тех, кто вынужден отражать нападение. Нам некуда бежать, и потому нам не позволены ни робость, ни малодушие: если удача склонится на сторону врага, надо искать смерти в бою, а не спасения в бегстве.

И если все твердо запомнили и усвоили эти слова, вы уже победили, потому что самое острое и самое победоносное оружие, какое только дали людям бессмертные боги, – это презрение к смерти.

Битва при реке Тицине.

Римляне принялись наводить мост через Тицин, а Ганнибал тем временем отправляет отряд нумидийской конницы грабить владения союзников римского народа, чтобы заставить эти галльские племена отказаться от союза с Римом. Когда же мост был готов и римляне, завершив переправу, разбили лагерь в семи или восьми километрах от карфагенского лагеря, Ганнибал созвал еще одну сходку и опять обещал воинам богатейшие награды – деньги, землю в Италии, в Африке, в Испании (кто где пожелает), полные права гражданства в Карфагене (тем, кто ими не владел), даже свободу рабам, которые примут участие в битве вместе со своими хозяевами (хозяевам он пообещал вернуть по два новых невольника за каждого отпущенного на волю раба). А чтобы никто не сомневался, что все обещания будут исполнены, он взял в правую руку камень, левой ухватил за шею ягненка и воскликнул, обращаясь к Юпитеру и остальным богам:

– Если я нарушу свое слово, предайте меня, боги, такой же смерти, какой я предаю ягненка! – и с этими словами разможил ягненку голову.

После такой клятвы карфагенянам казалось, будто сами боги поручились каждому в отдельности, что надежды его сбудутся, и все с нетерпением ждали сражения. Римский же лагерь, напротив, был охвачен унынием. Мало того, что рим-

ляне вообще сомневались в своих силах, — их пугали вдобавок дурные предзнаменования. Среди бела дня в лагерь забежал волк, перекусал всех, кто ни попался ему на пути, и благополучно ушел от погони. На дерево, в тени которого стояла палатка консула, уселся рой пчел. Корнелий совершил особые жертвоприношения, чтобы утишить гнев богов, о котором возвестили злые знамения, а затем во главе конницы и легкой пехоты вышел на разведку. На полпути к неприятельскому лагерю он повстречался с Ганнибалом, который тоже осматривал местность с отрядом конницы. Увидев густые облака пыли, которые с каждой минутой сгущались все больше, и римляне, и пунийцы остановились и принялись строиться к бою.

Впереди консул Корнелий Сципион разместил легковооруженных пехотинцев с дротиками и галльскую конницу; римская тяжелая пехота и лучшие силы союзников составили тыловую линию. У Ганнибала середину строя заняли испанские всадники, а оба крыла — нумидийцы. Едва успел прозвучать боевой клич, как легкая пехота римлян показала спину и укрылась между отрядами тыловой линии и даже позади них-. Галлы тоже бежали, и в бой вступила римская конница. Но испанцы успели придвинуться вплотную к рядам тяжелой пехоты, пехотинцы пугали лошадей, расстраивая все действия конников, так что многие падали на землю, а многие спешивались и сами, чтобы выручить товарищей.

Беспорядочная конно-пешая схватка длилась до тех пор,

пока нумидийцы не обошли римлян с обеих сторон и не ударили им в спину. Начинается паника, ее усиливает весть, что консул ранен. Впрочем, опасность, грозившая Сципиону, тут же рассеивается благодаря отваге и находчивости его сына, которому тогда едва сравнялось семнадцать лет. (Этому юноше предстояло спустя много времени со славою завершить войну и получить за блистательную победу проявите «Африканского».) Конники окружают раненого и, Прикрывая его не только оружием, но и собственной грудью, в строгом порядке отходят к своему лагерю.

Первая битва с Ганнибалом достаточно убедительно показала римлянам, что они слабее противника в коннице и что, стало быть, просторная равнина между Альпами и Падуей для них невыгодна. И в ту же ночь они снялись с лагеря и поспешили к Падуе. Ганнибал пустился следом, но римляне переправились благополучно: в руки неприятеля попало не более шестисот человек, которые замешкались на берегу, разрушая мост (его разрушили с обоих концов сразу, так что середина была подхвачена и унесена течением).

Лишь спустя несколько дней удалось Ганнибалу настигнуть неприятеля. На другое же утро он вывел войско в поле, предлагая консулу битву, но римляне не вышли за лагерный часток. Вероятно, они и дальше оставались бы на прежнем месте, если бы не измена галльских вспомогательных частей: ночью галлы перерезали караульных у ворот лагеря и ушли к Ганнибалу – до двух тысяч пехотинцев и двести конников.

Пуниец их всячески обласкал и отпустил – в надежде, что они рассказами о его щедрости и великодушии склонят к измене и своих соплеменников.

Сципион решил, что все галлы заражены тем же безумием и готовы поднять оружие против Рима. Тяжело страдая от раны, он, однако, на следующую ночь, в четвертую стражу, передвинул лагерь за реку Требию, на высоты, недоступные для конников. Ганнибал отправил в погоню сперва нумидийцев, а потом и всю свою конницу, и римляне понесли бы немалый урон, да только жадность заманила нумидийцев в брошенный лагерь, и пока они шарили по углам – не находя, впрочем, ничего ценного, – неприятель ушел.

Римляне разбили новый лагерь почти у самого берега: во-первых, тряска тяжело разбередила рану Сципиона, а во-вторых, надо было дожидаться второго консула, Семпрония, которого сенат уже отозвал из Сицилии. Ганнибал расположился неподалеку.

В Сицилии римский наместник Марк Эмилий успешно отразил нападение карфагенского флота еще до прибытия консула Семпрония; консулу же удалось отбить у карфагенян остров Мелиту¹⁰, что южнее Сицилии. Но тут прибывают письма из Рима с сообщением, что Ганнибал вторгся в Италию, и приказом подать немедленную помощь Корнелию Сципиону. Семпроний сразу погрузил войско на суда и отправил Адриатическим морем в Аримин, а сам выехал сле-

¹⁰ Ныне Мальта.

дом спустя несколько дней. Из Аримина он выступил к Требии и соединился с товарищем по консульству.

Теперь против Ганнибала стояли оба консула и вся военная сила Рима, и никто не сомневался, что, если для защиты Римской державы этой силы не хватит, больше надеяться не на что.

Но между консулами согласия не было: один, обескураженный неудачей и ослабевший от раны, не хотел торопиться со сражением, другой не соглашался ни на какую отсрочку.

Битва при Требии.

Места между Требией и Падом в ту пору были сплошь заселены галлами, которые пока соблюдали спокойствие и не поддерживали ни одну из борющихся сторон, но готовились искать милостей у будущего победителя. Римляне смотрели на это равнодушно, зато Ганнибал был вне себя от негодования: ведь он столько раз говорил, что явился в Италию по просьбе галлов – вернуть им свободу! И вот, чтобы покарать «неблагодарных» (а вместе с тем – и дать пожить своим солдатам), он высылает две тысячи пехотинцев и тысячу всадников с наказом опустошить все поля вплоть до берегов Пада. Набег карфагенян мигом положил конец колебаниям галлов: они бросаются к консулам и требуют защиты, ссылаясь на то, что гнев Ганнибала вызван чрезмерною их верностью Риму.

Корнелий считал, что не время римлянам заниматься чужими делами, а в особенности делами такого вероломного народа, как галлы, но Семпроний утверждал, что нет лучшего средства привязать к себе союзников и сохранить их верность, как подать помощь тем из них, кто первым о ней попросит. Не дожидаясь согласия товарища по должности, Семпроний отряжает свою конницу за реку Требию. Карфагенян, беззаботно рассеявшихся по полям и тяжело нагруженных всевозможной добычей, это внезапное нападение

привело в ужас. Лишь немногие спаслись от гибели и добрались до своего лагеря. Римляне гнали их до караульных постов, потом были отбиты высыпавшим из лагеря неприятелем, но тут подоспело подкрепление от Семпрония, и бой возобновился. Он не принес решительного успеха ни тем, ни другим, но карфагеняне потеряли больше убитыми и тяжело ранеными, а потому слава победы досталась римлянам.

Всего больше Семпрония радовало, что эта слава завоевана в конном сражении – таком же точно, какое принесло позор поражения его товарищу, Корнелию. Значит, рассуждал Семпроний, нечего откладывать решающую битву. Сидя у постели больного Корнелия, он говорил:

– Наши отцы, привыкшие бить врага под стенами Карфагена, застонали бы от горя, если бы увидели, как мы, два римских консула во главе двух консульских армий, дрожим от страха за лагерным частоколом посреди Италии, а пуниец хозяйничает между Альпами и Апенниннами!

Те же речи заводил он и на главной площади лагеря, перед солдатами. Кроме самонадеянности, его торопили и подстегивали скорые выборы в Риме: он боялся, что вести войну поручат новым консулам, которым и достанется весь почет, все похвалы и награды. А тут, пока товарищ по должности болен, нет нужды делиться славою даже с ним. И, не слушая протестов Корнелия, Семпроний приказывает воинам готовиться к сражению.

Именно на это и рассчитывал Ганнибал. Правда, он знал

заранее, что такое решение опрометчиво и даже опасно для римлян, зато успел узнать – сперва по слухам, а потом и в деле – характер одного из консулов, а потому был уверен, что удобный случай рано или поздно представится. Но хорошо бы ему представиться пораньше, пока воины врага не набрались опыта в боях, пока лучший из двух вражеских полководцев прикован, к постели, пока не устали от службы, не затосковали по дому галлы в его собственном войске. И как только лазутчики донесли о приказе Семпрония, Ганнибал принялся разыскивать место для засады.

Между карфагенским лагерем и рекою протекал ручей с высокими берегами, поросшими болотной травой и диким кустарником. Ганнибал убедился, что там можно укрыть даже всадников, и, подозвав к себе брата, Магона, сказал:

– Здесь ты и засядешь. Изо всей пехоты и конницы выберешь по сту человек и в первую стражу придешь с ними ко мне. А теперь надо отдохнуть.

Когда Магон со своими людьми пришел к его палатке, Ганнибал обратился к ним с такими словами:

– Я вижу, крепче вас нет никого в целом войске, а чтобы вы были сильны не только мужеством, но и числом, выберите каждый из своей турмы или своего манипула еще по девять человек, похожих на вас. Вы устроите засаду врагу, который ничего не смыслит в военных хитростях.

Таким образом, под началом у Магона оказалась тысяча всадников и тысяча пехотинцев.

На рассвете Ганнибал отдал приказ нумидийской коннице перейти через Требию и засыпать дротиками караульные посты у лагерных ворот, чтобы вовлечь неприятеля в схватку, а затем, постепенно отступая, заманить его на другой берег реки., Все остальные отряды – и пешие, и конные – получили распоряжение готовить завтрак, а потом вооружаться, седлать лошадей и ждать сигнала.

Едва только появились нумидийцы, Семпроний, действуя по заранее намеченному плану, вывел за ворота сперва конницу, затем шесть тысяч пехоты и, наконец, все остальные силы. Было время солнцеворота, и повсюду между Альпами и Апенниннами шел снег, а близость рек и болот делала стужу особенно жестокой. Между тем люди выбегали впопыхах, не успев ни поест, ни толком одеться; они зябли с первой минуты, и чем ближе к реке, тем сильнее. Наконец, продолжая преследовать нумидийцев, они вошли в воду и погрузились чуть не по горло – ночью лил дождь, река поднялась, – и когда выбрались на берег, то уже до того заоченели, что оружие выпадало из рук.

А воины Ганнибала тем временем развели перед палатками костры, растерлись маслом, которое Ганнибал заранее велел раздать по манипулам, и не торопясь позавтракали; услышав, что враг перешел реку, все разом поднялись и начали строиться. Первую линию составили балеарские пращники и легкая пехота – около восьми тысяч человек, вторую – тяжелая пехота, вся целиком; десятитысячную конницу Ган-

нибал рассыпал по флангам, а впереди конницы встали слоны.

Нумидийцы прекратили обманное отступление, повернулись и встретили римлян градом стрел. Увидев это, Семпроний отозвал своих всадников, и они заняли места по обоим краям пехотного строя. Всего на поле было восемнадцать тысяч римских граждан и двадцать тысяч латинских союзников да еще вспомогательные отряды ценоманов – единственного галльского племени, сохранившего верность Риму.

Первый натиск карфагенян, нацеленный в середину римской боевой линии, был отбит. Тогда балеарцы и легкая пехота, вооруженная дротиками, разделяются надвое и обрушиваются на фланги, где уже завязалось конное сражение. Римские конники и без того едва держались: во-первых, они уступали противнику числом больше чем вдвое, а во-вторых, лошади чуть не бесились, даже не видя слонов, а только чуя их запах. Камни и дротики пехотинцев быстро довершили дело – римская конница дружно ударилась в бегство.

Римская пехота дралась с величайшею отвагою и упорством, хотя и здесь все преимущества были на стороне врага. Пунийцы перед боем сытно позавтракали и хорошо отдохнули – римляне не ели ничего и отчаянно продрогли и устали. Как только конница бежала, и балеарцы и слоны обратились против пехотного строя, и одновременно вышел из засады Магон. Но даже теперь, оказавшись меж двух огней, легионеры продолжали держаться. Мало того – они сумели отра-

зять слонов, на которых Ганнибал надеялся крепче всего, В голову животного летели бесчисленные дротики, слон оставался и медленно поворачивался, но стоило ему повернуть, как люди с копьями, нарочно для этого назначенные, бросались вперед и кололи его под хвост, где кожа тоньше и пробить ее нетрудно. Слоны свирепели и начинали топтать всех подряд, кто бы ни очутился у них на пути.

Тогда Ганнибал распорядился снова развести слонов по флангам и бросить против ценоманов. Те мгновенно отступили, лишив римские легионы единственной поддержки, на которую они еще могли рассчитывать. Вражеское кольцо замкнулось – исход битвы решился. Уже не о победе думали римляне, но о спасении. Около десяти тысяч человек во главе с консулом Семпронием прорубили себе дорогу через самую середину неприятельской пехоты – там находились галльские союзные отряды, – но непрерывный и частый дождь застилал взор, не давая понять, что происходит на поле боя, и воины не смогли прийти на помощь своим. Вернуться за реку, в лагерь, они даже не пытались, но без промедления отправились в город Плацентию.

Пробовали пробиться и остальные, но робко и недружно, а потому большею частью безуспешно. Многие утонули, многие – из числа тех, кто топтался на берегу, боясь снова погрузиться в ледяную реку, – были настигнуты пунийцами. Но многим отчаяние придавало мужества, и они благополучно переправились и добрались до лагеря.

А у победителей почти не было сил радоваться своей победе. Да и самая победа стоила им слишком дорого; вражеское оружие и в особенности лютый холод этого дня погубили массу людей, выючных животных и почти всех слонов. Разойдясь по своим палаткам и стараясь согреться, карфагеняне словно забыли о противнике, и ночью, когда римляне – лагерная стража, не участвовавшая в битве, и уцелевшие беглецы – возвратились к Требии и переплывали ее на плотах, никто не попытался их остановить. Может быть, и правда за шумом дождя ничего не было слышно, но, скорее, карфагеняне, до крайности измученные стужей, усталостью и ранами, предпочли сделать вид, будто ничего не слышат.

Так или иначе, но консул Корнелий Сципион беспрепятственно увел остаток своих людей в Плацентию, а оттуда – в Кремону: он не хотел, чтобы два консульских войска стали на зимние квартиры вместе, обременив непосильными расходами один город.

Известие о разгроме при Требии повергло Рим в неописуемое смятение. Ганнибала ждали с минуты на минуту под стенами столицы, но вместо Ганнибала появился... консул Семпроний. Настала пора консульских выборов, и Семпроний, каждую минуту рискуя жизнью, пустился к югу по равнине, усеянной вражескими конниками¹¹. Только слепая удача помогла ему прибыть в Рим живым и невредимым, по-

¹¹ Выборы консулов на следующий год производились непременно под руководством одного из консулов текущего года.

тому что ни обмануть неприятеля, ни ускользнуть от него на случай погони, ни вырваться силою нечего было и думать. Народ избрал в консулы Гнея Сервийлия и Гая Фламийния, и, как только выборы закончились, Семпроний вернулся к своим – на зимние квартиры в Плацентою.

Зимние квартиры. Буря в Апеннинах.

То была тяжелая для римлян зима. Повсюду окрест Плацентии и Кремоны рыскали нумидийские и испанские всадники, перехватывая гонцов и обозы с продовольствием и кормом для лошадей. Открытым оставался только путь по реке Паду, но Ганнибал задумал перерезать и его, захватив укрепленную пристань невдалеке от Плацентии. Дело кончилось, однако же, неудачей, и сам Ганнибал был ранен. Не успела рана зажить, как он двинулся к другой крепости, где у римлян были хлебные склады. В этой крепости с началом войны нашли убежище соседние крестьяне. Их было очень много, и они решили встретить Ганнибала с оружием в руках. Вооружившись чем ни попадя, они нестройной толпой высыпали навстречу пунийцам и, конечно, после первой же стычки позорно бежали. На другой день защитники крепости добровольно открыли ворота, и тем не менее Ганнибал предал городок самому жестокому и кровавому грабежу — точно взял его приступом.

С первыми признаками весны Ганнибал снялся с зимних квартир и выступил в землю этрусков, чтобы склонить на свою сторону и этот народ. Но он поторопился: зима еще не кончилась, и когда карфагеняне подошли к Апеннинам и начали подъем, грянула такая буря, что переход через Альпы вдруг показался им увеселительною прогулкой. Ветер хле-

стал в лицо с невыносимою яростью, сшибал с ног, перехватывал дыхание, стискивал грудь. Воины остановились, побросав оружие, чтобы прикрыть руками щеки, глаза, лоб, потом повернулись к ветру спиною и присели на корточки. И тут заревел гром, засверкали молнии и хлынул ливень. От страха все замерли, словно остоленели, когда же немного опомнились, то сообразили, что надо немедленно, не сходя с места, разбивать лагерь. Но ни натянуть полотнища, ни хотя бы укрепить столбы не было ни малейшей возможности, а те несколько палаток, которые – каким-то чудом! – все же удалось поставить, ветер мгновенно сорвал и изодрал в клочья. Дождь прекратился, зато повалил град вперемешку со снегом, и карфагеняне в полном отчаянии попадали на землю и прикрывались палатками. Вскоре ударил страшный мороз; он сковал эти бесформенные груды тел, так что никто не мог разогнуть окоченевшие суставы и подняться. Наконец самые крепкие и выносливые все-таки поднялись, развели костры и оказали помощь тем, кто больше других ослабел и пал духом.

Два дня провели карфагеняне на этих высотах, точно в осаде, и потеряли множество людей, мулов, коней и еще семь слонов. На третий день они спустились обратно.

Ганнибал снова подошел к Плацентии и предложил Семпронию новый бой, выведя в поле двенадцать тысяч пехоты и пять тысяч конницы. Семпроний принял вызов. Римляне взяли верх, гнали врага до лагеря и чуть было не ворвались

в самый лагерь, но одолеть лагерные укрепления все же не смогли, и Семпроний подал сигнал к отступлению, тем более что уже смерклось. Теперь в погоню пустился Ганнибал, и, если бы ночь не развела врагов, возможно, они истребили бы друг друга до последнего человека – так велико было ожесточение обеих сторон.

И карфагеняне, и римляне потеряли примерно по шестисот пехотинцев и по триста всадников. Ганнибал отступил во владение племени лигурийцев, Семпроний – к городу Луке.

Новые консулы – Гай Фламиний и Гней Сервилий.

Там Семпроний получил пирьмо от Гая Фламииния, который готовился вступить в должность консула. Фламиний приказывал, чтобы Семпроний к мартовским идам привел свое войско в город Аримин¹². Дело в том, что Фламиний давно и упорно враждовал с сенатом, защищая права и выгоды простого народа. Знать ненавидела его, и он решил начать свой консульский год не в Риме, а в провинции: он опасался, как бы жрецы и гадалы – все люди из знатных родов – нарочно не задержали его в столице, ссылаясь на недобрые знамения и гнев небожителей. Под каким-то вымышленным предлогом он покинул Рим и тайно уехал в Аримин.

Когда об этом стало известно, негодование сенаторов вспыхнуло с новою силой.

– Теперь, – говорили они, – Гай Фламиний ведет войну не только с сенатом, но уже и с бессмертными богами. Он не желает склонить голову в храме Юпитера Всеблагого и Всемоущего на Капитолийском холме, не желает принести

¹² В конце III века до н. э. выборы консулов происходили осенью или в начале зимы, а торжественная церемония вступления новых консулов в свою должность – 15 марта. До этого срока власть принадлежала прежним консулам, но и новые могли объявлять свои указы заранее. Иды в римском календаре – середина месяца: 15-й день марта, мая, июля и октября и 13-й день остальных месяцев.

священные обеты и торжественную жертву, не желает уехать открыто, в пурпурном плаще полководца, в сопровождении двенадцати ликторов. Нет, он отправился к войску украдкою, точно мелочной торговец, маркитант, а еще вернее – бежал, как преступник, уходящий в изгнание! Не иначе как постоялый двор кажется ему более достойным местом, чтобы одеться в консульскую тогу, чем родной дом.

Единодушно постановили вернуть беглеца добром или силой и заставить его исполнить все обязанности перед богами и людьми. Но особое посольство, отправленное за ним вслед, ничего не добилось, через несколько дней он вступил в должность.

По этому случаю, как водится, было устроено жертвоприношение, и теленок, уже раненный ножом жреца, вдруг вырвался и обрызгал кровью многих стоявших вокруг, вызвав всеобщее смятение и вблизи и в особенности поодаль, где не видели, что произошло, и не знали причины испуга. Многие увидели в этом явное предзнаменование страшных бед.

Приняв под команду четыре легиона, новый консул повел их через Апеннины в Этрурию.

Вступил в должность и другой консул – Гней Сервилий. Его первой заботой было умиловить разгневанных богов: отовсюду, со всех концов Италии, из Сицилии и Сардинии, приходили сообщения о зловещих знамениях. Сервилий доложил об этом сенату, представил надежных свидетелей и очевидцев, и сенаторы постановили, какие жертвопри-

ношения надо совершить, какие устроить молебствия и общественные пиршества, какие дары посвятить Юпитеру, какие Сатурну, Юноне, Минерве...

Второй год войны – от основания Рима 537 (217 до н. э.)

А тем временем надвинулась настоящая весна, и Ганнибал поспешил сняться с зимних стоянок и уйти наконец за Апеннины. Медлить было не только бессмысленно, но и опасно, потому что ветреные галлы воспылали внезапной любовью к Риму. Ведь они надеялись пограбить чужие земли, а вместо этого увидели, как война разоряет их собственную, и пожалели о своей измене прежним союзникам – римлянам.

Много раз вожди племен подсылали к Ганнибалу убийц, и спасало его все то же галльское легкомыслие: вожди легко, не задумываясь, вступали в заговоры и с одинаковою легкостью доносили друг на друга.

Впрочем, он и сам оберегался как мог, постоянно меняя свою наружность: то появится в новом, никому не знакомом платье, то прикроет голову париком.

Мучительный путь по болотам.

Перевалив Апеннины, Ганнибал услышал, что Фламиний уже близ города Арретия. Это известие заставило его избрать самый короткий и самый неудобный путь – по болотистой низине, залитой в весеннюю пору года водами реки Арн.

Вперед Ганнибал пустил самых лучших и испытанных воинов – испанцев и африканцев, со всею их поклажей, чтобы они могли остановиться в любом месте, ни в чем не терпя нужды; посредине шли галлы, замыкали походную колонну всадники. А еще дальше, в некотором отдалении от общего строя, двигался Магон с легкою нумидийскою конницею, которая должна была помешать бегству галлов – если бы те, измучившись долгою и трудною дорогой, вдруг надумали повернуть назад.

В глубоких яминах, полных водой и жидкою грязью, люди увязали по плечи, по горло, а случалось, что проваливались и с головою, и все-таки передовые не отставали от проводников. Но галлы не могли ни устоять на ногах, поскользнувшись, ни сами подняться, упавши. Иные едва брели, иные даже и не пытались бороться с усталостью, но опускались в воду и покорно ждали смерти, как вьючные животные, которые издыхали с ними рядом.

Четыре долгих дня и три ночи длился этот переход, и ни

разу не встретилось ни одного сухого островка, где можно было бы вытянуться и уснуть хотя бы на час. Солдаты сваливали в кучи свои тюки¹³ и ложились сверху или находили груды конских трупов, хотя бы чуть-чуть выглядывающую из воды.

Ганнибал еще раньше заболел глазами – на него скверно действовала неустойчивая весенняя погода. Теперь он ехал на единственном слоне, уцелевшем к концу зимы, и, значит, сравнительно с остальными был над водою высоко, но долгая бессонница, ночная сырость и болотный воздух обострили болезнь, а лечиться не было ни времени, ни места, и он окривел.

Разбив лагерь, Ганнибал выслал вперед лазутчиков, и те подтвердили, что римское войско расположилось у стен Арретия. Тогда Ганнибал принимает все меры, чтобы узнать характер консула и его планы, а также местность, дороги, возможности снабдить войско продовольствием и многое иное, что важно знать, находясь в чужой и враждебной стране.

Оказалось, что местность – одна из самых плодородных в Италии, богатая и хлебом, и скотом, что консул – человек горячий и надменный, не боится ни законов, ни сената, ни самих богов и что, по всей видимости, действовать он будет безрассудно и опрометчиво, не спрашивая и не слу-

¹³ В этих тюках были увязаны вещи первой необходимости, которые Каждый воин нес на марше сам: оружие, смена одежды, припасы на несколько дней, посуда для варки пищи.

шая ничьих советов. Ганнибал решил лучше воспользоваться природными недостатками своего противника, а для этого – растревожить его и раззадорить; и он принялся грабить Этрурию, издали дразня консула дымом пожаров и запахом крови.

Фламиний собрал военный совет, и все говорили одно: надо дожидаться второго консула с войском и действовать сообща, а пока разослать по округе отряды конницы и легкой пехоты, и они положат конец наглým и безнаказанным грабежам.

Консула это единодушие до того рассердило, что он выбежал из палатки и приказал подать сразу два сигнала – к походу и к битве. Потом, вернувшись к своим советникам, он закричал:

– Нет, зачем же нам рассылать по округе какие-то отряды?! Будем лучше сидеть смирно под стенами Арретия – ведь это наша родина, не так ли, тут наши лары и пенаты! – а Ганнибала держать не станем, пусть идет куда хочет, пусть выжжет и опустошит всю Италию, пусть приступит к самому Риму! А мы не тронемся с места до тех пор, покуда господа сенаторы нас не призовут, как некогда призвали Камилла из Вей!¹⁴

¹⁴ Знаменитый полководец Марк Фурий Камилл был изгнан из Рима по несправедливому обвинению. Когда в 390 году до н. э. галлы вторглись в Италию и разгромили римлян, сенат пригласил Камилла вернуться из изгнания и назначил его диктатором. Вейи – город к северо-востоку от Рима; там собрались уцелевшие от гибели остатки римского войска.

Он снова выбежал наружу, распорядился поднимать поскорее знамена¹⁵ и вскочил на коня, но конь внезапно припал на передние ноги и сбросил седока. Все испугались, а тут вдобавок примчался гонец и доложил, что одно знамя, как ни бьется знаменосец, поднять не могут. Обернувшись к гонцу, консул спросил:

– Может, ты мне еще и письма от сената принес, чтобы я думать не смел о битве?.. Иди обратно! Пусть выроют древко лопатой, раз у них от страха руки занемели!

И войско двинулось. Начальники не одобряли решения Фламиния и боялись беды, которую недвусмысленно, дважды подряд, возвестили боги, но солдаты были довольны дерзкой неустрашимостью консула: она внушала надежду, а наг сколько основательна эта надежда, солдаты не размышляли.

¹⁵ Военными знаменами служили различные значки (главным образом изображения орлов) на длинных древках. В лагере и вообще на стоянке древки втыкали в землю.

Тразименская битва.

Между тем Ганнибал вышел к Тразименскому озеру, в таком месте, которое как бы самую природою было создано и предназначено для засады. Озеро подступает почти вплотную к горе, оставляя лишь узкую полосу берега; дальше полоска расширяется в небольшое поле, отовсюду окруженное крутыми холмами. Там Ганнибал и разбил свой лагерь, поместив в нем, однако же, только африканцев и испанцев: баlearцев и прочую легкую пехоту он увел за холмы, а конницу спрятал у самого входа в эту ловушку.

Фламиний появился на закате солнца. Он с трудом дождался утра и, едва рассвело, прошел теснину, не позаботившись выслать вперед разведчиков. На поле он заметил неприятеля – но лишь того, который был прямо перед ним; засады в тылу и над головою он не обнаружил. Убедившись, что план его удался, что враг заперт и зажат меж озером и горами, Ганнибал подает всем своим сигнал к нападению, и, они скатываются вниз. Что всего более поразило римлян, так это дружная слаженность неприятельской атаки. Дело в том, что туман, поднявшийся с озера, лег на поле гораздо гуще, чем на высотах, и римляне ничего не видели даже в нескольких шагах, а карфагенские отряды отлично различали друг друга и спустились почти одновременно. Лишь по крикам, загремевшим со всех сторон сразу, римляне поняли, что они

в кольцо, и бой начался прежде, чем они успели построиться или хотя бы обнажить мечи.

Среди всеобщего замешательства сам Фламиний сохранял завидное присутствие духа. Он успокаивал воинов, пугливо озиравшихся на каждый новый крик, и всех призывал собраться с мужеством и стоять твердо.

– Помните, – повторял он, – не молитвы богам выведут нас отсюда, а только собственная сила и отвага! Сквозь вражеский строй путь пролагает только железо, и чем меньше ты думаешь об опасности, тем меньше она тебе угрожает!

Но за шумом и смятением ни советы, ни приказы не были слышны; солдаты не узнавали своих знамен и своих начальников, и для многих оружие было скорее обременительным грузом, чем защитой. В туманной мгле звучали стоны раненых, гулкие удары кулаков, звон мечей, вопли ярости и ужаса. Одни пускались в бегство и тут же наталкивались на клубок сражающихся и застревали в нем. Другие, опомнившись, пытались вернуться в битву, но их уносило потоком беглецов.

Наконец все удостоверились, что нет иной надежды. На спасение, кроме той, которая скрыта в силе рук и остроте клинков; и каждый сам стал для себя начальником, и сражение разгорелось вновь, но не то правильное сражение, когда войско разделено на три боевые линии, легкая пехота выдвинута вперед и любой солдат держится своего легиона, своей когорты и манипула! Теперь только случай соединял бой-

цов и собственная храбрость указывала каждому его место! И так все были поглощены битвою, что не замечали ничего вокруг – не заметили даже землетрясения, которое разразилось как раз в эти часы и погубило немало городов в Италии, изменило течение многих рек, обрушило горы.

Почти три часа продолжалась эта жестокая сеча и всякий раз вспыхивала особенно жарко там, где появлялся консул. Фламиния окружали отборные воины, он бесстрашно бросался в самую гущу неприятеля, а враги легко узнавали римского полководца по богато украшенному оружию и делали все возможное, чтобы до него добраться. Наконец один инсубр, по имени Дукарий, которому консул был знаком и в лицо, крикнул своим соплеменникам:

– Вон он, убийца наших воинов, разоритель нашей земли! Сейчас я принесу его в жертву теням наших близких!¹⁶

И, пришпорив коня, он разметал толпу римлян, заколол оруженосца, который прикрыл было главнокомандующего своим телом, а потом пронзил копьем и самого Фламиния. Смерть консула послужила сигналом к повальному бегству, и уже ни озеро, ни горы не казались помехою: словно ослепнув от ужаса, люди карабкаются по отвесным стенкам, забиваются в щели, бредут по воде, пока не погрузятся по плечи, по уши. Были и такие, кого безумный страх заставлял

¹⁶ За шесть лет до изображаемых здесь событий Фламиний командовал войском, разгромившим галльское племя инсубров, обитавшее к северу от реки По; их главным городом был Медиолан (нынешний Милан).

пуститься вплавь, но они либо тонули, ощутив всю безнадежность своей затеи, либо, выбившись из сил, поворачивали назад и встречали гибель на прибрежных отмелях, где их уже поджидали карфагенские конники.

Около шести тысяч пехоты из головного отряда в самом начале битвы вырвались из рук неприятеля, взошли на какой-то холм и там стояли, не зная, что происходит позади, прислушиваясь к невнятным крикам и звону железа. Когда же солнце поднялось выше и разогнало туман, они увидели сразу и горы, и поле, и позорно поверженную римскую рать. Мигом подняли они знамена и кинулись прочь, пока их не заметили. Но на другое утро их настиг Магарбал со всею карфагенскою конницею; он пообещал жизнь и свободу тем, кто сложит оружие. Римляне сдались – и обещание было исполнено с истинно пунической «честностью»: всех до последнего Ганнибал заключил в оковы.

Такова знаменитая Тразименская битва – одно из самых памятных бедствий в истории римского народа. Пятнадцать тысяч полегли в бою, десять – спаслись бегством и, рассеявшись по всей Этрурии, пробирались кто как мог в Рим. У карфагенян убитых было две с половиною тысячи да еще многие умерли от ран. Пленных латинян Ганнибал отпустил без выкупа, римских граждан запер под стражею. Тела своих он приказал собрать и похоронить, трупы врагов бросили без погребения. Впрочем, консула Фламиния Ганнибал распорядился предать погребению наравне со своими, и его ис-

кали очень старательно, но не нашли.

Смятение и отчаяние в Риме.

Первые слухи о поражении наполнили Рим страхом и смятением. Мужчины бросились на Форум. Женщины бродили по улицам и у каждого встречного спрашивали, не знает ли он в точности, что случилось. В конце концов перед курией собралась громадная толпа. Незадолго перед заходом солнца вышел претор Марк Помпоний и объявил: – Мы разбиты в большом сражении. К этому он не прибавил ни звука, но, разойдясь по домам, римляне с уверенностью говорили, что консул и большая часть войска мертвы.

На другой день (и несколько дней подряд) у городских ворот стояло несметное множество людей: они ждали своих близких или хотя бы вестей о них. Стоило появиться путнику, как его тотчас обступали стеной и до тех пор не давали двинуться дальше, пока не выпросят все по порядку. И одни отходили ликуя, а другие – заливаясь слезами, и одних друзья поздравляли, а других пытались утешить. Рассказывают, что одна женщина, увидев сына живым и невредимым, умерла от радости в его объятиях тут же, у ворот. Другая сидела у себя, справляя траур, – ей передали, что сын погиб, – и вдруг он входит в комнату. Мать не смогла ни подняться ему навстречу, ни хотя бы вымолвить, слово приветствия: она мгновенно испустила дух.

Не успел еще сенат принять решение, что делать дальше,

как сообщили о новой беде: Ганнибал захватил четыре тысячи конников, которых другой консул, Сервилий, послал на помощь Фламинию еще до битвы. Многие считали, что рядом с прежним поражением новое просто не заметно, не стоит о нем и толковать. Но другие разумно возражали:

– Больному человеку любое расстройство, пусть даже самое ничтожное, переносить тяжело. Так и наше государство: оно больно, и потому надо помнить, что любая трудность, любое несчастье ему сейчас не по силам.

Диктатор Квинт Фабий Максим.

Это мнение взяло верх, и было решено обратиться к средству, которое уже давно не применялось: назначить диктатора. Право назначать диктатора принадлежит только консулу, но вызвать Сервилия в Рим или хотя бы доставить ему письмо казалось невозможным, и, нарушая все обычаи, диктатора избрал народ. Выбор его остановился на Квинте Фабии Максиме; начальником конницы¹⁷ стал Марк Минуций Руф. Сенат распорядился, чтобы они привели в порядок стены и башни в самом Риме, расставили караульные отряды по городам, где потребуется, и разрушили мосты на Тибре: отстоять Италию не удалось – значит, будем сражаться здесь, у родных порогов и очагов.

Но приступить к вражеской столице Ганнибал не решился. Вместо этого он двинулся к востоку и дошел почти до моря, а потом – к югу и везде беспрепятственно грабил поля и деревни, доставляя солдатам желанный отдых и еще более желанную добычу.

Вступив в должность, диктатор Фабий Максим немедленно созвал сенат и объявил, что не за дерзкое легкомыслие, как судят некоторые, поплатился своей жизнью и жизнью войска консул Фламиний, а за невнимание к священным обрядам, и, стало быть, в первую очередь надо умилостивить

¹⁷ Начальник конницы – звание, которое носил помощник диктатора.

разгневанных богов. Среди всевозможных обещаний, которые от имени римского народа принесли богам диктатор и жрецы, была «священная весна». «Если Римское государство устоит и уцелеет в продолжение ближайшего пятилетия, — гласил обет, — тогда всё, что принесет шестая от нынешнего года весна, — все поросята и телята, весь приплод овечьего и козьего стада, — обрекается в жертву Юпитеру. Кто бы, каким бы образом, в какой бы день и час ни заколол тогда жертву перед алтарем, да будет она угодна богу».

Наконец от дел божественных и небесных обратились к земным и человеческим. Сенаторы постановили, чтобы Фабий Максим принял войско от консула Сервилия и сверх того набрал столько новых пехотинцев и конников, сколько сам сочтет нужным. Диктатор распорядился прибавить к двум легионам Сервилия еще два. Деревенским жителям он приказал перебраться в города, под охрану крепостных стен и башен, в особенности — жителям тех мест, где Ганнибал мог появиться в ближайшее время: они должны были сжечь свои дома и уничтожить посевы, чтобы врагу не досталось ничего.

Фабий-медлитель и безрассудный Минуций.

Ганнибал находился на краю Апулии, и Фабий направился туда же, соблюдая величайшую осторожность, тщательно разведывая дороги, твердо решившись не пытаться военного счастья и не доверяться ему до последней возможности. Когда он впервые стал лагерем в виду неприятеля, Ганнибал без промедления построил своих в боевой порядок, но римляне словно бы и не заметили вызова. Пуниец бранился, кричал, что война окончена, что враги совсем пали духом, но в глубине души он был не на шутку обеспокоен: он понял, что встретился с полководцем, нисколько не схожим с Фламинием и Семпронием, что, наученные горьким опытом, римляне нашли предводителя под стать самому Ганнибалу. Благообразие и хладнокровие диктатора открылись ему сразу же и внушили страх. Он попытался было вызвать гнев Фабия или поймать его в ловушку, но напрасно! Напрасно менял он то и дело стоянки, напрасно вытапывал и выжигал поля, напрасно летел сломя голову вперед, чтобы спрятаться за поворотом дороги, — Фабий неизменно держался на высотах, не выпуская противника из глаз, но и не подходя чересчур близко.

За пределами своего лагеря римляне появлялись очень редко и никогда не выходили поодиночке. Если надо было

запастись дровами или кормом для лошадей, солдаты делали свое дело спокойно и беспрепятственно, потому что рядом располагался караульный отряд, готовый в любой миг отбить вражеское нападение. Такие же отряды нередко нападали первыми, разгоняя неприятелей, опустошавших поля. Так в небольших и, в общем, безопасных для римлян стычках Фабий отучал своих от страха перед победоносными пунийцами.

Но вот что удивительно: как ни злили Ганнибала сдержанность и благоразумие Фабия, еще больше раздражения они вызвали у помощника самого диктатора – Марка Минуция, начальника конницы. Человек горячий и чрезвычайно несдержанный на язык, он повсюду, не таясь, ругал диктатора.

– Это не просто медлительность, это лень, – твердил он, – это не осторожность, а трусость!

Так, понося своего начальника, он старался возвысить себя.

Тем временем к Ганнибалу прибыли трое кампанских всадников, которые попали в плен при Тразименском озере, но получили свободу и богатые подарки и вернулись в свои города верными сторонниками карфагенян и врагами римлян. Теперь они сообщили, что вся Кампания ждет не дождется пунийцев, которые избавят ее от римского ига, и что город Капуя охотно раскроет перед ними свои ворота. Ни само это сообщение, ни люди, которые его доставили, не вну-

шали Ганнибалу особенного доверия, и все же он двинулся к западу, отправив вперед все тех же троих всадников с наказом вернуться с послами, которые подтвердили бы желание кампанцев отдаться под власть карфагенян.

Ганнибал велел проводнику вести войско к городу Казину, чтобы захватить Казинский перевал и тем самым отрезать римлян от их союзников в Кампании. Но язык пунийца с трудом выговаривает латинские слова, и проводник вместо «Казин» услышал «Казилин». Свернув с прежнего пути, он направился к югу, и вскоре карфагеняне очутились в плодородной долине, отовсюду окруженной горами и реками. Ганнибал изумился и спросил у проводника:

– Куда же это мы забрели?

– К вечеру будем в Казилине, – отвечал проводник.

Тут Ганнибал понял, какая вышла ошибка. Он распорядился высечь проводника розгами и распять на кресте – для острастки и в назидание другим. Карфагеняне разбили лагерь, хорошо его укрепили, а вслед за тем конница принялась беспощадно разорять окрестные земли вплоть до морского берега. Но жестокость этих набегов оказалась напрасной: кампанские города по-прежнему хранили верность союзу с Римом.

Римляне поспешили следом за Ганнибалом, и сперва недовольство диктатором-медлителем утихло: все надеялись, что Фабий преградит путь Ганнибалу и не даст ему разорить Кампанию. Когда же воины увидели, что самая пре-

красная область Италии охвачена пламенем, а их по-прежнему держат на высотах безучастными наблюдателями, гневные речи Минуция зазвучали с новой силой. Он вспоминал войны минувших лет и столетий, когда храбрость и стремительный натиск спасали Рим, когда полководцы не прятались от битвы, но торопились славою победы искупить позор поражения.

– А теперь? – вопрошал он. – Теперь дым пожарищ ест нам глаза и забивает глотку, в ушах стоит звон от горестных воплей союзников римского народа, которые не богов зовут на помощь, а нас, римлян! А мы, словно робкие козы и олени, бродим по вершинам гор, скрываясь в тучах и в чаще леса! Никто еще не выигрывал войну, топчась на месте и принося небожителям обет за обетом! Отвагою и решимостью возвысилась Римская держава, а не этим вялым благоразумием, которое трусы именуют осторожностью!

Военные трибуны и римские всадники с одобрением прислушивались к словам начальника конницы, а вскоре они сделались известны и простым солдатам. И если бы подобные дела решались голосованием воинов, командование несомненно перешло бы от Фабия к Минуцию.

Ганнибал хитростью вырывается из ловушки.

Фабий, однако же, твердо стоял на своем, и вот уже приблизилась осень, а с нею и заботы о зимних квартирах: долина, где стояли главные силы карфагенян, была действительно изобильна, да изобиловала-то она садами и виноградниками, а не хлебом и скотом и долго кормить войско не могла. Но чтобы выйти из нее, надо было возвратиться назад – той же самою дорогой, и Фабий знал, что другого пути у карфагенян нет, а потому заблаговременно занял Казилин и горный проход близ этого города. Особый караульный отряд перерезал тропу в узком ущелье, на перевале, соединявшем противоположный край долины с морским побережьем.

Ганнибал скоро убедился, что он в кольце и что кольцо это необходимо прорвать, иначе Фабий задушит карфагенян голодной и холодной зимовкою. Позиция римлян у Казилина была неприступной; не оставалось ничего иного, как попытать удачи на горной тропе, а для этого – прибегнуть к хитрости. Согнали отовсюду быков и волов – их набралось около двух тысяч, – наготовили сухого хворосту и привязали к рогам. Гасдрубал¹⁸ получил приказ: как настанет ночь, гнать стадо в гору, к перевалу, занятому вражеским караулом.

¹⁸ Разумеется, не брат Ганнибала – тот остался в Испании, – а его тезка.

Едва смерклось, карфагеняне беззвучно снялись с лагеря; когда они придвинулись вплотную к подошве горы, Ганнибал подал знак — и солдаты подожгли хворост на рогах у быков. Увидев вдруг пламя над головою, а потом ощутив резкую боль (это огонь добрался до живого мяса), быки чуть не взбесились от страха и ринулись вперед. Римлянам наверху почудилось, будто весь склон запылал, а когда животные в ярости трясли головами, казалось, что мечутся из стороны в сторону люди с факелами в руках. Не успели воины на перевале сообразить, что происходит, как огни появились уже и над ними, и у них за спиной, и в полной уверенности, что они окружены, караульные покинули перевал. Разумеется, они бросились в том направлении, где огни были реже всего — к гребню хребта, но и здесь навстречу им попало несколько быков, отбившихся от главного стада. И сперва римляне замерли, словно увидев выходцев из могилы, а когда наконец обнаружилось, что это всего-навсего человеческая хитрость, испугались еще больше, решив, что попали в засаду.

Все бежали, чуть живые от страха, и, как назло, столкнулись с отрядом вражеской легкой пехоты. До утра противники простояли друг против друга, не смея скрестить оружие в темноте, а Ганнибал тем временем беспрепятственно исполнил свой замысел и ушел за горы.

И снова Фабий двинулся следом за неприятелем, или, вернее, обок от него, заслоняя путь на Рим. Ганнибал долго кру-

жил по Средней Италии, пока не захватил город Героний: римский отряд там не стоял, потому что городские укрепления вконец обветшали и обрушились и оборонять такой город было бы делом безнадежным. Фабий разбил лагерь неподалеку.

Фабий в Риме. Злосчастные успехи Минуция.

Между тем наступил срок важных жертвоприношений, которые должен совершать глава государства, и не в каком-либо ином месте, а только в столице. И диктатор выехал в Рим, передав командование начальнику конницы. Перед отъездом он не только приказывал Минуцию, но просил его, почти что умолял не вступать в битву с врагом.

– Не думай, – говорил он, – что лето прошло впустую. Ведь и врачи часто и с успехом лечат больных покоем. А нам было необходимо забыть о поражениях, вздохнуть спокойно после беспрестанных неудач.

Напрасные старания. На другой же день начальник конницы распорядился перенести лагерь на равнину (прежде римляне стояли на высоком холме, в недоступном для врага месте). Ганнибал обрадовался. Он понял, что с переменою главнокомандующего может перемениться весь ход войны, и постарался еще подогреть горячность Минуция. Он выслал целую треть своего войска запасаться хлебом и кормом для лошадей, а лагерь придвинул поближе к вражескому, давая понять, что отразит всякую попытку римлян напасть на карфагенских фуражиров. Тем не менее римская конница и легкая пехота обратили карфагенян в бегство и многих перебили. Вместе с уцелевшими Ганнибал вернулся на прежнюю

стоянку – к разрушенным стенам Герония.

Минуций поспешил известить сенат о своей победе, хвастливо ее преувеличив и приукрасив, и в Риме все ликовали – все, кроме диктатора Фабия. Диктатор не верил ни слухам, которые пересказывали друг другу римляне, ни письму самого Минуция.

– А если все это и правда, – говорил он, – тем хуже: нам теперь страшнее успехи, чем неудачи.

Между тем и в столице, точно так же, как в войске, у него было немало врагов. Фабия винили в преступной медлительности, в трусости, даже в измене, в тайном сговоре с пунийцами. Толки об измене пошли из-за коварной уловки Ганнибала: перебежчики показали ему, где имение диктатора, и он распорядился выжечь и вытоптать все вокруг и только дом и поле Фабия оставить в целости и неприкосновенности.

Народный трибунал Марк Метилий, созывая сходку за сходкой, произносил подстрекательские, полные ярости и ненависти речи.

– Это неслыханно! – кричал он. – Этому нет названия! Сперва, находясь при войске, наш диктатор не дает ему побеждать, теперь, вернувшись в Рим, ставит под сомнение и даже оплакивает победу, которая уже одержана! Он хочет лишь одного – сохранить свою власть как можно дольше, и потому нарочно затягивает войну, потому хладнокровно смотрит, как пуниец разоряет земли Италии, потому запер в лагере наши легионы, жаждущие битвы, и отнял у воинов

мечи и копья, словно у пленных неприятелей! Надо бы сместить Фабия вовсе, но я готов согласиться и на меньшее: давайте уравнием в правах диктатора и его помощника – ведь все мы знаем отвагу Марка Минуция!

Перед народом Фабий даже не пытался оправдываться, понимая, что это бесполезно, перед сенатом же говорил не один раз, но и там его слушали без особенного сочувствия. Накануне того дня, когда должно было решиться, получить ли начальник конницы те же права, что диктатор, Фабий, не желая участвовать ни в спорах, ни в голосовании, уехал к войску.

Когда назавтра открылось Народное собрание, все долго молчали: хотя народ был единоклубен в ненависти своей к диктатору и благосклонности к начальнику конницы, никто не смел открыто поддержать трибуна Метилия. Наконец поднялся Гай Теренций Варрон, человек происхождения не просто низкого, но прямо-таки постыдного – сын мясника, который сам разносил по домам свой товар. Но Гай Варрон с молодых лет решил заняться государственными делами и решение свое сумел исполнить. Выступая против знатных и богатых, в защиту мелкого люда, он достигнул сначала известности, а потом и высших должностей – квестора, эдила, претора. Теперь он подумывал уже о консульстве и был готов воспользоваться любым случаем, лишь бы угодить народу.

Вот почему он выступил в поддержку предложения Метилия, которое народ и одобрил с величайшею охотой.

Судьба карает Минуция и оправдывает Фабия.

Нарочный из Рима нагнал Фабия еще в пути. Диктатор принял письмо с печальным и оскорбительным для него известием так же спокойно и величественно, как прежде выслушивал бешеные нападки врагов в столице. Зато Минуций совсем потерял голову от восторга и гордыни. Уже не победою над Ганнибалом он чванился, а победою над Квинтом Фабием – небывалою в римской истории победою подчиненного над своим начальником, да еще над каким начальником – над диктатором!

Насилу дождавшись Фабия, едва успев обменяться с ним приветствиями, Минуций спросил:

– Как же мы поделим власть? Я полагаю так: будем командовать поочередно, каждый по одному дню или по нескольку дней, если хочешь.

– Нет, – отвечал Фабий твердо. – Это значило бы отдать всё на волю твоей удачливости, или – что то же самое – твоего безрассудства. Не дни мы поделим с тобою, а войско, и я никогда не уступлю своей доли, на которую оставил мне право римский народ. Если уж нельзя спасти всего, постараемся сохранить хотя бы то, что возможно.

Бросили жребий: Минуцию выпали первый и четвертый легионы, Фабию – второй и третий, и начальник конницы

расположился лагерем отдельно от диктатора.

Между этим новым римским лагерем и лагерем пунийцев был холм, а вокруг холма поле, голое, как ладонь, — ни дерева, ни кустика, — на первый взгляд совершенно непригодное для засады, на самом же деле — на редкость для этого удобное: поместительные углубления, наподобие пещер, таились во множестве под его поверхностью. Ночью Ганнибал укрыл там около пяти тысяч воинов — не только пехотинцев, но и конников, — а поутру, чтобы отвлечь внимание неприятеля, который мог бы случайно заметить блеск оружия посреди поля, небольшой отряд выступил к холму и занял его на глазах у римлян. Малочисленность карфагенского отряда не вызвала у Минуция никаких подозрений. Осыпая врагов проклятиями, угрозами и насмешками, он клянется, что немедленно лишит карфагенян той выгодной позиции, которую они захватили.

Несмотря на клятвы начальника, его легкая пехота оказалась бессильною сбить врага с холма, и Минуций выслал на подмогу конницу. Но тут уже и Ганнибал отправил своим подкрепление, и, увидев это, Минуций начал строить к бою тяжелую пехоту. Так мало-помалу все войско, находившееся под командою начальника конницы, было втянуто в сражение.

Конная атака римлян тоже не удалась, зато легионы бились неутомимо и неустрашимо, как вдруг за спиною и с обоих боков, точно из-под земли, выросли те пять тысяч, что

прятались в засаде, и римляне лишились разом не только всей своей отваги, но даже малейшей надежды на спасение. И действительно, ни один из них не ушел бы от гибели, если б не Фабий Максим.

Из своего лагеря диктатор видел, что происходит на поле у холма, и слышал крики ужаса и отчаяния.

– Вот как скоро, – промолвил он, – скорее даже, чем я ожидал, наказывает судьба разнузданную самоуверенность. Но сейчас не время гневаться и браниться – выносите знамена, и покажем неприятелю, что слишком рано радуется он победе.

И вот в самый разгар бегства и резни появляется Фабий и одним своим появлением, еще не вступив в бой, все изменяет к лучшему. Беглецы останавливаются; одни примыкают к легионам Фабия, другие снова сплывают собственные ряды и снова повертываются лицом к врагу. А враг изумлен, растерян, его рука разит уже не с тою твердостью и ожесточением, что раньше. Оба римских войска соединились и, вероятно, потеснили бы пунийцев, но Ганнибал сам прекратил битву, приказав отступить и заметив при этом:

– Мы победили Минуция а Фабий победил нас. – И прибавил: – Облако, которое все время окутывало высоты, разразилось наконец грозой и ливнем.

Возвратившись в свой лагерь, Минуций созвал воинов и сказал им так:

– Не раз случалось мне слышать, что выше всех стоит муд-

рый советник, на втором месте – тот, кто прилежно исполняет умные советы, а на самом последнем – кто и сам ничего не соображает и другому повиноваться не хочет. Сегодня я убедился, что на первое место никакого права не имею, – будем же крепко держаться хотя бы за второе! Соединимся снова с Фабием, и, если нынешний день не принес нам ни победы, ни славы, пусть никто не упрекнет нас хотя бы в неблагодарности.

Собравшись и свернув палатки, они стройно двинулись к лагерю диктатора Квинта Фабия Максима, составили знамена на главной площади лагеря, и Минуций, взойдя на возвышение, сказал:

– Фабий Максим, отец мой! Родители подарили мне жизнь, ты подарил мне ее еще раз, и не только мне, но и всем этим воинам. Я назвал тебя отцом, потому что нет у людей слова ласковее и дороже, но мое чувство к тебе горячее любви к родному отцу. Я отклоняю и отвергаю решение римского народа, уравнившее нас в правах: оно не по силам мне, это равноправие. Прими же снова и меня, и этих воинов под свою власть и начальство.

Радостно завершился этот день, который едва было не стал траурным и роковым. О случившемся быстро узнали и в Риме – из донесений полководцев и писем солдат, – и неприязнь к Фабию мигом превратилась в пламенный перед ним восторг. Даже враги, карфагеняне, восхищались римским диктатором. В нем впервые увидели они одного из тех

великих и неодолимых римлян, о которых знали по рассказам своих отцов.

Рим продолжает жить.

Полгода оставался Фабий во главе римского войска и государства, а затем снова передал власть и начальствование консулам (место убитого в Тразименском бою Фламиния занял Марк Атилий Регул). Консулы действовали в полном согласии и единодушии, ведя войну по примеру Фабия-Медлителя: от сражения уклонялись, но беспрерывно тревожили врага мелкими нападениями, не давая ему запастись хлебом и кормом для лошадей. Пунийцы были в такой крайности, что Ганнибал не раз задумывался, не вернуться ли на север, в земли галлов, и только страх перед позором, который принесло бы это отступление, ничем не отличимое от бегства, удерживал его вблизи Герония.

Так продолжалось всю осень, до тех пор, пока холода, туманы и проливные дожди не развели противников по зимним квартирам.

Несмотря на громадную тяжесть войны, римляне не упускали из виду ни единого дела, ни единой заботы: следили, чтобы своевременно исполнялись обязательства перед богами – воздвигались обещанные им храмы, делались приношения, – рассылали послов к союзникам и данникам, вылавливали и карали лазутчиков и заговорщиков в столице. Италия чувствовала, что Рим по-прежнему жив и полон силы, и потому нигде не шевелилась измена.

В начале зимы прибыли послы из Неаполя. Они привезли сорок тяжелых золотых чаш и просили принять их в дар – для пополнения истощенной войною казны, потому что не только себя защищает римский народ, не только столицу и твердыню всей Италии – город Рим, но в такой же точно мере города и поля своих союзников. Сенат благодарил неаполитанцев за верность и щедрость, но принял лишь одну чашу, да и то наименьшего веса. Так же примерно отвечали сенаторы и другим союзникам, присылавшим дары и подмогу: за добрые чувства благодарили, хлеб и воинов принимали, от золота отказывались.

В эти же зимние дни в Риме был схвачен карфагенский соглядатай, который целых два года действовал беспрепятственно и безнаказанно. Ему отрубили обе руки и выпустили на волю, разрешив покинуть Италию.

Выборы консулов на следующий год проходили в жесткой борьбе плебеев с патрициями.

Простой люд хотел поставить в консулы Гая Теренция Варрона, о котором уже была речь выше, патриции всячески этому противились – не столько даже из ненависти к самому Варрону, сколько опасаясь дурного примера на будущее: выходило, что, браня и понося знатных, можно возвыситься, самому попасть в знать. Народный трибун Квинт Бэбий Герённий, родственник Гая Теренция, возмущал народ поджигательскими речами, что, дескать, патриции умышленно затягивают войну и до тех пор не будет ей конца, пока кон-

сулом не станет истинный плебей – простолюдин, человек из низов.

– Разве вы сами не видите, – восклицал он, – что и среди плебеев появилась своя знать, из рода в род занимающая почетные и высокие должности наравне с патрициями и вместе с патрициями презирующая народ! Но римский плебс имеет неоспоримое право распоряжаться одним из двух консульских мест так, как ему угодно¹⁹, и он отдаст это место тому, кто больше думает о стремительной победе, чем о долгой власти! Пусть же не рассчитывают знатные, что им удастся провести народ еще раз! Мы все видим, все понимаем и не отступим ни на шаг.

Распаленный такими речами народ отверг всех кандидатов из патрицианских и старых плебейских родов; избранным оказался только один консул – Гай Теренций²⁰. Тогда патриции поняли, что выставили против Теренция слишком слабых соперников, и обратились к Луцию Эмилию Павлу, который уже был однажды консулом. Тот долго и упорно отказывался, но в конце концов уступил – чтобы стать для другого консула, Гая Теренция Варрона, не столько товарищем по должности, сколько постоянным и упорным, но, увы, несчастливым противником.

Численность войска была тут же увеличена, но на сколько и каким образом, в точности неизвестно. Ясно и бесспор-

¹⁹ С 368 года до н. э. До того времени оба консула избирались из патрициев.

²⁰ Лишь он один набрал нужное для избрания большинство голосов.

но только одно: за время своего начальствования диктатор Фабий успел внушить римлянам уверенность, что они способны не только терпеть поражения, но и побеждать врага, и потому все теперь ждали и желали действий более решительных, чем в прежние годы.

Третий год войны – от основания Рима 538 (216 до н. э.)

Перед тем как вновь набранным воинам выступить из Рима, консул Варрон много раз обращался к солдатам и к народу с дерзкими и вызывающими речами. Снова и снова он твердил, что войну в Италию привела знать и что под начальством таких трусов, как Фабий, войне вообще не будет конца.

– А я, – заключал он всякий раз, – разобью врага наголову в тот же день, как его встречу! Главное – это встретиться с Ганнибалом поскорее!

Консул против консула.

Второй консул, Павел, говорил перед народом лишь однажды. Он ни словом не попрекнул и не обидел своего товарища по должности. Он только выразил изумление, как можно заранее, – не видев ни собственного, ни вражеского войска, не зная местности, даже не сменив гражданского платья на воинское, – назначать день битвы. Он напомнил об осторожности, о том, что слепая поспешность и глупа, и пагубна, что надежность и безопасность важнее стремительности.

Фабий Максим был, возможно, единственным, кто выслушал Эмилия Павла с одобрением и удовольствием. Когда сходка закрылась, он подошел к Павлу и сказал ему так: – Если бы ты и Варрон были схожи друг с другом, я бы не стал докучать тебе советами и наставлениями: людям разумным они ни к чему, а безумцы вообще глухи к чужим словам. Но сейчас все сложилось так, что государство оказывается хромым на одну ногу и безумные планы в одинаковой чести и силе с разумными. Еще неизвестно, кто для тебя страшнее – Ганнибал или Теренций. Ведь с врагом ты будешь сражаться только в строю, а с товарищем – везде и во всякое время. Против Ганнибала у тебя есть и конница, и пехота, против Теренция ты безоружен.

Я бы не хотел произносить имени Гая Фламиния – это дурной знак – и все же вынужден. Гай Фламиний потерял

рассудок лишь тогда, когда прибыл к войску, а твой товарищ сошел с ума еще до консульских выборов да так по сей час и не опомнился. Даже подумать жутко, что может случиться, когда он от слов перейдет к делу! Если только он исполнит свое намерение и немедля даст Ганнибалу бой, то либо я ничего не смыслю в военном деле, либо страшная слава Трази-менского озера окажется посрамленной новою и еще более страшною бедою.

Я не хвастлив, но поверь мне: бороться с Ганнибалом надо единственным способом – так, как боролся с ним я. Мы воюем в Италии – у себя дома, на своей земле. Повсюду вокруг нас – союзники, нам помогают и будут помогать людьми, конями, припасами, с каждым днем мы становимся все опытнее и храбрее. А Ганнибал? Он в чужой, враждебной стране, вдали от отечества. Нет ему мира ни на суше, ни на море. Ни один город не принимает его в свои стены, нигде не видит он ничего, что мог бы назвать своим, и со дня на день живет грабежом. Едва ли и треть уцелела от того войска, с которым он переправился через Ибер, и больше пало от голода, чем от меча. Неужели ты сомневаешься, что мы останемся победителями, спокойно выжидая, пока пуниец задохнется и зачахнет сам – без еды и корму, без крова, без денег, без подкреплений?

Вот, Луций Эмилий, единственный путь к победе, но вступить на него очень трудно, потому что твои собственные воины будут хотеть того же, чего и вражеские, и римский

консул Варрон – того же, чего пунийский командующий Ганнибал. Тебе придется одному стоять против двоих. Но ты выступишь, если будешь глух к пустой молве и незаслуженным оскорблениям. Истина часто страдает, даже слишком часто, но зато она бессмертна, и кто пренебрежет ложной славой, добудет истинную.

Невеселая то была речь, и невесело отвечал на нее Павел. Он не только понимал все трудности, которые его ожидали, но вдобавок мучительно боялся народа: после первого консульства его обвинили в краже Военной добычи, и, хотя обвинили несправедливо, он едва ушел от наказания. – Пусть все окончится счастливо и благополучно, – заявил он Фабию, – но уж если неудача – так лучше вражеские копья, чем суд сограждан.

Когда консулы прибыли к войску я соединили новые силы с прежними, число римлян выросло в полтора раза. Но Ганнибал не только не огорчился, а, наоборот, безмерно обрадовался: хлеба у него оставалось всего на десять дней, больше взять было решительно негде, и испанцы, боясь голода, уже замыслили перебежать на сторону врага. Теперь, с появлением новых начальников, все могло измениться. И надежда не обманула пунийца.

Сама судьба дала пищу жадной торопливости Варрона. Римляне напали на отряд карфагенских фуражиров, завязалась беспорядочная схватка, которая обошлась неприятелю в тысячу семьсот убитых, тогда как с нашей стороны погибло

не больше сотни. В этот день верховная власть принадлежала Павлу (консулы командовали поочередно), и, страшась засады, он запретил преследовать бегущих – к великому негодованию Варрона, который кричал, что его товарищ выпустил врага из рук и что, если бы не это слабодушие, война была бы окончена с первого же удара.

«Брошенный лагерь»

Ганнибал был доволен. Все, что происходило у противника, было ему известно ничуть не хуже, чем события в собственном лагере; он знал, что консулы не ладят между собой и что почти две трети войска составляют новобранцы. В успехе римлян он видел как бы крючок с наживкою, проглоченный Варроном, и решил, что обстоятельства стеклись самым благоприятным образом. На другую ночь он вывел всех своих из лагеря и спрятал за ближними холмами, брать же с собою не велел ничего, кроме оружия, так что лагерь остался полон всякого добра. Перед палатками горели костры – чтобы римляне, войдя в пустой лагерь, поверили, будто Ганнибал снова хотел их обмануть: задержать на месте и удержать от погони.

Когда рассвело, римляне обнаружили, что неприятель снял караульные посты. Они подошли вплотную к валу и частоколу, и их поразила необычная тишина. Заглянув на миг за ограду, они мчатся к консулам и сообщают, что пунийцы бежали и даже палаток снять не успели, а чтобы запутать врага и скрыть свое бегство, разожгли частые костры.

Тут же солдаты поднимают крик, чтобы их посылали вдогонку и, главное, вели грабить брошенный лагерь, и чуть ли не громче всех кричал при этом один из двух консулов – Варрон.

Напрасно Павел призывал к осторожности: разгорячившаяся толпа во главе с консулом едва согласилась подождать, пока вернется из разведки префект Марий Статилий с луканскими конниками.

Статилий подъехал к воротам, приказал остальным ждать, а сам еще с двумя воинами спешил и вошел внутрь. Тщательно все осмотрев, он доложил, что враг бесспорно подстроил какую-то ловушку: огни оставлены лишь в той части лагеря, которая обращена к римской стоянке, палатки раскрыты настежь и дорогие вещи брошены на самом виду, а кое-где серебро валяется прямо на дорожках между палатками, точно приманка.

Но вместо того чтобы остудить алчность, донесение Статилия распалило ее еще пуще.

– Ведите нас! Ведите немедленно! А не то сами пойдем, без приказа и без начальников! – надрывались солдаты.

Варрон распорядился подать сигнал к выступлению, но сами боги спасли римлян в тот день от неминуемой гибели. Павел объявил, что священные куры возвещают беду²¹. Варрон призадумался, и, пока он медлил, а солдаты уже и ему кричали «Трус!» и грозили неповиновением, появились два раба, бежавшие от карфагенян (они принадлежали двум латинским всадникам и были захвачены в плен нумидийцами,

²¹ Полководец возил за собою этих кур повсюду, и особый прислужник наблюдал за тем, как они едят: если куры клевали свой корм охотно, это было добрым предзнаменованием, если неохотно или вовсе отказывались клевать – дурным.

а теперь бежали к прежним своим хозяевам). Беглецы сообщили, что все Ганнибалово войско сидит за холмами в засаде. Их сообщение разом положило конец и спорам между консулами, и солдатскому бунту.

Перед Каннами

Убедившись, что хитрость его не удалась, Ганнибал вернулся в лагерь. Но голод со дня на день становился все мучительнее, а ропот воинов все громче. Наемники требовали жалованья, которое им задолжал полководец, и, почти не таясь, сговаривались перейти к римлянам. Такое настроение умов пугало пунийца не на шутку, и он задумал перенести военные действия дальше к югу, где жатва поспевает скорее.

Консулы двигались следом, не отставая, пока Ганнибал не разбил лагерь близ деревни Канны в Апулии. Он позаботился стать спиною к ветру вольтурну, который несет облака пыли над иссушенными зноем полями²², и это оказалось особенно важным впоследствии, когда оба войска построились для сражения: одним ветер дул в затылок, а другим – в лицо, запорошивая пылью глаза и забивая рот. Римляне расположились в виду неприятеля двумя лагерями, по обе стороны реки Ауфиды.

Ганнибал не случайно выбрал местом новой стоянки Канны. Окрестные равнины словно нарочно созданы для конной битвы, в которой карфагеняне чувствовали себя непобедимыми. И вот, как только устройство лагерей было завершено, Ганнибал выстроил своих в боевой порядок и выслал вперед нумидийцев – застрельщиков сражения. Но в этот день ко-

²² Теперь этот ветер зовется сирокко.

мандовал Павел, и, невзирая на яростные протесты Варрона и волнение среди солдат, он не позволил римлянам взяться за оружие.

Разочарованный неудачей, Ганнибал распустил боевую линию, а нумидийцев отправил за реку – распугать и разогнать водоносов из меньшего римского лагеря. Едва выйдя на берег, нумидийские конники одним криком своим обратили в бегство служителей-водоносов, а потом подскакали к караульному посту у вала и даже к самим воротам. Римляне были вне себя от гнева и стыда: подумать только, легкая конница врага угрожает их лагерю, а они вынуждены сидеть сложа руки!

Зато завтра верховное начальствование перешло к Варрону, и он, даже не посоветовавшись с товарищем, переправился на другой берег Ауфиды, к меньшему лагерю, соединил все силы римлян вместе и выстроил их так: правое крыло заняли римская конница и пехота, левое – конница союзников, средину – союзная пехота. Левое крыло Теренций возглавил сам, правое поручил Павлу.

Карфагеняне поспешили последовать примеру врага – перешли реку и построились. На левом фланге, у самой воды, против римской конницы, Ганнибал поставил галльских и испанских всадников, на правом – нумидийских, центр же заполнил пехотою, причем в самой середине оказались галлы и испанцы, а по обе стороны от них – африканцы. Африканцы были вооружены на римский лад – оружием, захвачен-

ным при Требии и Тразименском озере. Галлы и испанцы отличались друг от друга формой и длиной мечей (галльский меч очень длинный и на конце закруглен, испанский короткий, удобный и заканчивается остро отточенным жалом, потому что испанцы в бою больше колют, чем рубят). Однако же и те, и другие одинаково наводили страх исполинским ростом и грозным видом. Галлы были обнажены по пояс, испанцы – в белых туниках с пурпурной каймой. Левым крылом командовал Гасдрубал, правым – Магарбал, серединою – сам Ганнибал с братом Магоном.

Канны.

Битва, как водится, началась стычками легковооруженных. Затем вступила в дело галльская и испанская конница. Но меж рекою и рядами пехоты места для маневра не оставалось вовсе, и противники, съехавшись лоб в лоб, ухватились врукопашную. На конное сражение это не было похоже нисколько, напротив – каждый только и старался стянуть или сбросить врага на землю. Впрочем, странная эта схватка продлилась немного – римляне быстро ослабели и повернули назад.

Потом завязывается пеший бой. Сперва галлы и испанцы храбро сдерживали натиск легионеров, но римские ряды были и глубже, и гуще и после многих и упорных атак сломили вражеское упорство. Надобно заметить, что испанцы и галлы стояли клином, и теперь, отступая, сперва спрямили общую боевую линию, а потом образовали в ней впадину. А римляне, преследуя и истребляя бегущих, мигом поравнялись с африканцами, размещенными перед битвою по обоим краям пехотного строя, у основания клина, и проскочили мимо них. Тут африканцы двинулись вперед и наискось – навстречу друг другу – и скоро сомкнулись за спиною у неприятеля. Только теперь опомнились римляне, опьяненные погоней. Победа их оказалась бесполезной, и, оставив в покое ошалевших от страха, галлов и испанцев, они прини-

мают новый бой – в окружении и, главное, уже изнемогая от усталости, меж тем как новый противник был свеж и силен.

Сражение шло и на левом фланге у римлян, где союзническая конница встретила с нумидийцами. Враги были еще далеко друг от друга когда пятьсот нумидийских всадников, скрыв под панцирями мечи, помчались к римлянам, знаками показывая, что хотят сдаться в плен. Подъехав вплотную, они спешили и бросили к ногам неприятелей свои щиты и дротики. Им велели расположиться в тылу, и, пока битва только разгоралась, они спокойно выжидали, но, когда все были уже поглощены боем, внезапно выхватили спрятанные мечи, подобрали щиты, валявшиеся повсюду между горами трупов, и напали на римлян сзади, разя в спину и подсекая жилы под коленями.

На обоих флангах безраздельно царил ужас, и все бежали кто куда, а в центре по-прежнему бились – упорно, но безнадежно, и Гасдрубал, начальник левого крыла, послал испанскую и галльскую конницу на подмогу африканцам: резня утомила их до такой степени, что руки едва удерживали меч. А нумидийцы рассыпались по всему полю, преследуя бегущих.

Консул Павел еще в самом начале был тяжело ранен камнем из пращи, но продолжал сражаться – сперва на коне, а после, когда не стало сил держать поводья, пеший. Его окружал и прикрывал отряд римских всадников. По примеру консула спешили и они, и кто-то, не зная толком, что

происходит, доложил Ганнибалу, будто Павел велел конникам бросить своих коней. Тогда Ганнибал заметил:

– Он закрывает им единственный путь к спасению. Уж лучше бы прямо связал их всех да выдал мне!

Спешившиеся между тем бились так, как бьются, уже не сомневаясь во вражеской победе и бегству предпочтя смерть. А победители, разъяренные этой последней помощью, рубили и рубили тех, кого не могли потеснить.

Консул сидел на камне, весь залитый кровью. Мимо проезжал верхом военный трибун Гней Корнелий Лентул.

– Луций Эмилий, – крикнул он, – если боги и должны о ком-нибудь позаботиться, так только о тебе! Из всего войска ты один неповинен в сегодняшнем поражении. Возьми моего коня, а я пойду рядом и буду тебя охранять. Не омрачай смертью консула и без того черный для Рима день!

– Слава твоей доблести, Гней Корнелий, – отвечал ему Павел. – Но не теряй времени попусту – как бы ненужная жалость не погубила тебя самого. Скачи в Рим. Скажи в сенате, чтобы поскорее, пока Ганнибал еще не совсем рядом, укрепляли стены и усилили караулы. А Квинту Фабию передай, что Луций Эмилий Павел и жил, и теперь умирает, помня его советы. Да, позволь мне испустить дух здесь, среди моих мертвых солдат. Я не хочу ни снова оказаться в обвиняемых, ни выступить в суде с обвинениями против своего товарища по должности.

В этот миг нахлынула толпа беглецов, а следом за нею

– враги. Консула, не догадываясь, кто это такой, засыпали стрелами, Лентула же конь благополучно унес прочь.

Семь тысяч бежали в меньший лагерь, десять тысяч – в больший; еще около двух тысяч пытались укрыться в деревне Канны, но безуспешно. Второго консула среди них не было: то ли случайно, то ли умышленно он покинул поле сражения один, в сопровождении всего пятидесяти верховых, и ускакал в город Венусию.

Всего убито было сорок пять тысяч пятьсот пехотинцев и две тысячи семьсот конников, из них половина римские граждане и половина союзники. Погибло много сенаторов, в прошлом занимавших высшие должности в государстве, – они добровольно записывались простыми воинами в легионы, – погиб и Гней Сервий, консул минувшего года, и Марк Минуций, начальник конницы у диктатора Фабия.

В плен на поле сражения попало три тысячи пехотинцев и полторы тысячи конников.

Римляне после поражения.

Из большего лагеря в меньший явился гонец. – Враги изнурены битвою, – сказал он, – а теперь еще пьют и пируют на радостях, так что ночью, вернее всего, крепко уснут. Вы сможете перейти к нам, и мы все вместе уйдем в Канусий²³.

Одни отвечали решительным отказом – почему, в самом деле, они должны рисковать своею жизнью? Пусть лучше люди из большого лагеря рискуют своей и пробираются к ним! – другим самый план нравился, но принять его не хватало мужества. Тогда вышел вперед военный трибун Публий Семпроний Тудитан и произнес короткую гневную речь:

– Вы что же, предпочитаете попасться в лапы самого жестокого и самого алчного из врагов, чтобы он назначил цены за ваши головы – за римского гражданина столько-то, за союзника поменьше? Не может этого быть – ведь вы все-таки сограждане консула Луция Эмилия, который достойную смерть предпочел позорной жизни, сограждане стольких храбрецов, которые погибли вокруг консула! Пока враги не закрыли нам дорогу наглухо, разметим тех, кто толпится у наших ворот, разметим их и пробьемся! Следуйте за мною все, кто желает спасения себе и Риму!

Те, кто откликнулся на его призыв, построились плотной колонною, обнажили мечи и ворвались в самую гущу непри-

²³ Канусий был укрепленным городом поблизости от Канн.

ятеля. Справа показались нумидийцы и полетели дротики, но римляне и тут не остановились: они только переложили щиты из левой руки в правую. Так около шестисот человек достигнули большого лагеря, а оттуда, соединившись с товарищами, невредимо добрались до Канусия.

Карфагеняне после победы.

Карфагенские начальники наперебой поздравляли Ганнибала и в один голос советовали, чтобы он дал отдых себе и воинам – война уже закончена, спешить больше некуда.

И только один Магарбал, командовавший конницей, упорно твердил, что нельзя терять ни минуты.

– Ты даже сам еще не понимаешь, – говорил он Ганнибалу, – что значит сегодняшняя победа. Через четыре дня ты можешь пировать на Капитолии – только немедленно в путь! А я со своими конниками помчусь вперед. Рим и испугаться не успеет, как мы уже схватим его за горло.

Но Ганнибалу предложение это показалось слишком заманчивым и потому неисполнимым. Он похвалил Магарбала за усердие и добрые намерения и обещал все обдумать на досуге. А Магарбал воскликнул:

– Вот уж поистине не всё разом дают боги одному человеку! Побеждать ты умеешь, Ганнибал, но пользоваться победой не умеешь!

И правда, все соглашались, что как раз этот день, который карфагеняне промешкали под Каннами после победы, спас и город Рим, и всю Римскую державу.

Наутро, едва рассвело, карфагеняне вышли на поле битвы собирать добычу. Чудовищна была картина, открывшаяся их взору, чудовищна и страшна даже им, победителям. Тысячи

и тысячи римлян, пехотинцы и конники вперемешку лежали повсюду, где кого уложила злая участь. То там, то здесь над грудой мертвых тел приподнимались раненые – их привел в чувство утренний холод, – и враги тут же их добивали.

Добивали и других, которые тоже были еще живы, но подняться уже не могли и только вытягивали шеи, моля об еще одном, последнем ударе. А иные сами покончили с собой – рыли ногтями ямку, опускали туда голову и, засыпав сверху землю, задыхались.

После полудня Ганнибал осадил малый римский лагерь, который, однако же, сдался почти без сопротивления, гораздо быстрее, чем ожидал пунийский главнокомандующий. Пленные выдали оружие и лошадей, но получили обещание, что будут беспрепятственно отпущены за выкуп. На тех же условиях сдался и большой лагерь, где оставались только раненые или же трусы, побоявшиеся уйти в Канусий.

Наконец, уже к вечеру, Ганнибал распорядился снести в одно место и похоронить трупы своих павших. Их было примерно восемь тысяч – всё лучшие, самые храбрые воины. По некоторым сведениям, тело римского консула тоже разыскали и предали погребению.

Остатки римского войска в Канусии. Заговор.

Отряд, прибывший в Канусий, насчитывал около пяти тысяч человек, но каждый день добавлялись новые, и всем оказывала помощь и хлебом, и одеждою, и даже деньгами знатная женщина, по имени Буса. Среди спасшихся было четверо военных трибунов. Вместе с немногими другими они собрались на совет и долго толковали, что делать дальше, как вдруг один юноша поднялся и объявил:

– Напрасно раздумываете вы о будущем. Наше государство уже мертво, мы можем только плакать о нем, воскресить же его не можем. Молодые люди из лучших семей во главе с Марком Цецилием Метеллом решили покинуть Италию и искать пристанища у кого-нибудь из заморских царей.

Все присутствующие оцепенели и сперва не могли вымолвить ни звука, а потом раздались голоса, что надо бы обсудить это внезапное и ужасное сообщение, но Публий Корнелий Сципион²⁴ (несмотря на молодость, он был уже военным трибуном) воскликнул:

– Теперь не время обсуждать и совещаться – время действовать, и как можно решительнее. К оружию – и за мной!

Там, где созрел этот неслыханный замысел, там и только

²⁴ Тот самый будущий победитель Карфагена, о котором говорилось на стр. 45.

там – главный лагерь наших врагов!

С немногими спутниками он поспешил к квартире Метелла и как раз застал сборище заговорщиков. Тогда, простерши меч над их головами, он произнес слова грозной и нерушимой клятвы:

– «Клянусь, что никогда не покину Римского государства сам и не позволю покинуть никому другому из римских граждан. Если же я теперь лгу, то да погубит Юпитер Всеблагод и Всемогуший меня, мой дом, мою семью и имущество». Марк Цецилий и вы, остальные! Немедленно повторите эту клятву. А кто не повторит, того я заколю на месте!

Заговорщики так перепугались, точно не Сципион появился перед ними, а сам Ганнибал; они поклялись, а затем отдали себя во власть военных трибунов.

Военные трибуны, узнав, что консул Варрон жив, отправили к нему гонца. Варрон, вокруг которого тоже собралось не менее четырех с половиною тысяч пехотинцев и конников, велел трибунам оставаться на месте и привел своих людей в Канусий. Так снова возникло подобие консульского войска, вооруженного и способного защитить себя если и не в открытом бою, то хотя бы за крепостною стеной.

Отчаяние и мужество Рима.

До Рима, однако же, донеслась весть, будто не уцелел никто – ни из граждан, ни из союзников, – но все войско, до последнего человека, перебито. Я даже пытаться не стану описывать тот ужас и смятение, которые объяли город Рим. Скажу только, что никакой иной народ такого потрясения и такого горя не перенес бы. Преторы созвали сенат, чтобы решить, как оборонять столицу. Но совещаться было невозможно – ни один сенатор не знал, что предложить, у каждого в ушах звучали крики и стоны женщин, которые оплакивали подряд всех, кто ушел на битву. И лишь Фабий Максим сохранял присутствие духа и здравый смысл. Он советовал прежде всего выяснить и разузнать в точности, что произошло, а для этого выслать небольшие отряды легкой конницы по Аппиевой и Латинской дорогам²⁵ – навстречу беглецам: кто-то бесспорно спасся и теперь пробирается в Рим – все погибнуть не могли, это вздор. А о порядке в городе, продолжал он, должны позаботиться сами отцы-сенаторы: женщинам пусть запретят показываться на улицах и площадях и заставят их сидеть по домам; пусть водворят повсюду тишину, всякого, кто принесет какие бы то ни было новости, пусть сразу отводят к преторам; Наконец, пусть поставят стражу у ворот, чтобы из города никто не уходил, иначе Рим опустеет.

²⁵ Обе эти дороги шли из Рима на юго-восток.

Все единодушно согласились с Фабием и принялись за дело, а там вскорости прибыло и письмо от консула

Варрона с сообщением о Ганнибале, который по-прежнему сидел в своем лагере у Канн, об уцелевшей части войска и, главное, о потерях. Весь город погрузился в печаль и облекся в траур, так что даже расстроилось и отменилось празднество в честь Цереры: тем, кто справляет траур, участвовать в этом празднестве запрещено, а в Риме не осталось ни одной матери семейства, которая не скорбела бы о павших. Чтобы так же точно не расстроились и многие другие праздники, сенат особым постановлением ограничил срок траура тридцатью днями.

Сенаторы решили послать в Канусий претора Марка Клавдия Марцелла, который до тех пор командовал флотом, стоявшим в Остии²⁶, а консулу написали, чтобы он вернулся в Рим, как только передаст войско Марцеллу. Решено было также отправить послов к Дельфийскому оракулу, чтобы спросить, за что гnevаются боги, чем их умиловить и что ожидает римлян впереди. А тем временем по определению жрецов были исполнены особые обряды, и среди них один, совершенно чуждый римской натуре и римским обычаям, – человеческое жертвоприношение: живыми зарыли в землю двух галлов – мужчину и женщину – и грека с гречанкою.

Объявляется набор, и в войско записывают семнадцатилетних и даже некоторых шестнадцатилетних; из новобран-

²⁶ Остия – порт в устье реки Тибра, морская гавань Рима

цев составляют четыре легиона. Требуют подкреплений у союзников. Готовят оружие и прочее военное снаряжение. Со стен храмов и портиков снимают старые вражеские доспехи, захваченные в былых войнах. Свободных граждан недостает, и тогда вооружают восемь тысяч молодых и крепких рабов, предварительно справившись, хотят ли они стать солдатами. Их выкупают у хозяев на общественный счет, хотя дешевле и выгоднее было бы выкупить пленных у Ганнибала.

Посольство пленников.

Дело в том, что Ганнибал, разделив пленных на две группы, союзников опять, как и прежде, отпустил безвозмездно, а с римскими гражданами говорил так мягко и благодушно, как никогда прежде. Он объявил им, что совсем не желает истребить римский народ, а борется лишь за власть и славу. Его предки уступили римлянам в доблести, теперь он хочет, чтобы римляне в свою очередь склонились перед его доблестью и удачей. Вот почему он предоставляет пленным возможность выкупиться и за конника требует пятьсот денариев, за пехотинца – триста, за раба-служителя – сто.

Пленные, не помня себя от радости, выбрали десять человек, чтобы отправить их в Рим, к сенату. Ганнибал и на это дал согласие и только велел посланцам поклясться, что они вернутся. Когда они уже вышли из лагеря, то один из десяти человек, которому следовало бы родиться скорее пунийцем, чем римлянином, прикинулся, будто что-то забыл, и побежал назад. Он вернулся и, тем самым исполнив клятву, освободил себя от нее. К ночи он снова нагнал товарищей.

Когда эти посланцы предстали перед сенатом, глава их сказал так:

– Мы все отлично знаем, что ни одно государство не относится к пленным с таким презрением, как наше, римское. И, однако же, мы заслуживаем и сочувствия, и снисхождения.

Мы храбро бились весь день, а потом, возвратившись в лагерь, израненные, измученные усталостью, всю ночь оборонялись на валу. Лишь тогда, когда враг окружил нас сплошным кольцом и мы решили, что пятидесяти тысяч убитых довольно, что пусть останется в живых хоть малая часть римского войска, сражавшегося при Каннах, – только тогда выдали мы врагу уже бесполезное для нас оружие.

Мы не завидуем чужой удаче и не рассчитываем возвысить себя, унижая товарищей. Но пусть и другие – те, кто бросил оружие и покинул свое место в строю, а потом бежал без оглядки до самой Венусии или до Канусия, – пусть и они не превозносят себя над нами, пусть не хвастаются, что они лучше нашего защищали и защищают отечество. Выкупите нас – и мы будем сражаться храбрее всех, потому что навсегда будем связаны вашим благодеянием.

Если же вы намерены проявить непреклонность и чрезмерную суровость, тогда задумайтесь о том, какому врагу вы нас оставляете. Варвару-пунийцу, неслыханно жадному и жестокому! Доведись вам увидеть наши цепи, грязь, убожество – я уверен, вы были бы потрясены не меньше, чем если бы собственными глазами увидели ваши легионы, которые полегли на поле у Канн.

Предположим на миг невозможное: предположим, что Ганнибал, изменив собственной природе, сжалился над нами и отпустил нас даром, – клянусь богами, мы бы отказались и от такой свободы, и от самой жизни! На что нам

жизнь, раз вы сочли нас недостойными выкупа! Зачем возвращаться мне на родину, для которой я не стою и трехсот денариев!

Едва он закончил, как толпа на площади подняла жалобный крик; простирая руки к курии, все умоляли вернуть им их детей, братьев, родных. Удалив посторонних, сенаторы один за другим стали высказывать свое мнение. Кто говорил, что государство должно взять все расходы на себя, кто – что казну обременять не надо, но не надо и мешать тем, кто пожелает выкупить своих близких, напротив – им надо помочь. Наконец очередь дошла до Тита Манлия Торквата, человека старинных и, как полагали многие, слишком строгих правил, и он сказал:

– Если бы посланцы только просили за себя и за своих товарищей, и ничего более, я был бы краток: я призвал бы вас крепко держаться обычая наших предков и еще раз подать пример строгости, столь необходимой в делах войны. Но они чуть ли не похваляются тем, что сдались в плен, и потому, господа сенаторы, мой долг – открыть вам всю правду о них. Когда должно было стоять в строю и сражаться, они бежали в лагерь, но и за лагерным валом обнаружили не больше мужества, чем в строю. Разве враг осаждал их долго и упорно, разве вышли все припасы, притупились мечи, иссякла сила в руках – разве так было дело? Нет! Враг подступил к лагерю с восходом, и не прошло и часа, как все было кончено.

Как бы я хотел, чтобы рядом со мною стоял сейчас Пуб-

лий Семпроний Тудитан, лучший свидетель вашей низости и малодушия! Он звал вас взяться за оружие и следовать за ним – и вы не послушались, зато немного спустя послушались Ганнибала, который приказал вам сдать лагерь и сложить оружие. И ведь не к славе звал вас Семпроний, не к подвигу, а к спасению; и было вас много, а врагов мало – и все-таки вам не достало отваги. Смее ли вы после этого вообще произносить слово «храбрость»?

Тосковать по отечеству надо, пока оно есть у тебя, пока ты его гражданин, пока ты свободен. А теперь – поздно: вы больше не римские граждане, вы рабы карфагенян! Вы не нужны отечеству! Выкупать вас так же нелепо и несправедливо, как выдать Ганнибалу тех ваших товарищей, которые вырвались из лагеря и сами вернули себя родине!

Большинство сенаторов было связано с пленными узами родства – и, однако ж, возразить Манлию никто не решился. Сообщается решение сената, что пленным в выкупе отказано, и посланцев, – рыдая, захлебываясь слезами и жалобами, – провожают до ворот. Один из них, тот, что с дороги возвращался в лагерь пунийцев, отправился было домой, но коварство не пошло ему впрок: узнав о его поступке, сенаторы единодушно постановили арестовать негодяя и под стражею отправить назад к Ганнибалу.

Поражение при Каннах было для Рима страшнее всех предыдущих не только размерами потерь, но, главное, тем, что после него впервые заколебалась преданность союзни-

ков: прежде они верили в несокрушимость Римской державы, теперь эта вера рассеялась. Сторону пунийцев приняли север, весь юг и многие племена и народы срединной Италии. Но никто в Риме даже и не думал о том, чтобы просить у врага мира. Так велика была в тяжелую эту пору сила духа, что, когда возвращался консул Варрон, главный, если не единственный виновник случившегося, ему навстречу вышли граждане всех сословий и состояний, и все благодарили его за то, что он не отчаялся, не отказался от надежды спасти государство. Будь он карфагенским полководцем, ничто не спасло бы его от самой мучительной и позорной казни.

Измена Капуи.

Оставив наконец лагерь под Каннами, Ганнибал через Самний прошел в Кампанию, чтобы захватить Неаполь – ему был необходим морской порт, – но затем отказался от этой мысли, испуганный внушительным видом городских укреплений, и повернул к Капуе, где уже стоял карфагенский караульный отряд.

В Капуе давно пользовался чрезмерным влиянием простой народ. Его главарь, Пакувий Калавий (сам, кстати сказать, человек знатный), сумел и сенат подчинить власти народа, и вот как он этого достигнул. В год Тразименской битвы Пакувий занимал высшую в городе должность. Он опасался, как бы народ, воспользовавшись поражением римлян, не устроил бунт и не перерезал всех сенаторов, а государство, вовсе лишенное сената, уже и государством считаться не вправе. И вот, созвавши сенаторов, он объявляет:

– Простолюдины замыслили вас перебить, чтобы беспрепятственно передать город Ганнибалу и пунийцам. Но я готов вас спасти, если вы готовы мне поверить.

Все закричали, что верят, а Пакувий продолжал:

– Я закрою вас пока здесь, в курии, словно и сам разделяю замыслы народа, и клянусь, что отыщу средство сохранить вашу жизнь.

Приставив к дверям караул и приказав никого не впускать

и не выпускать, он собирает народ и приносит ему поздравления со славной победой.

— Сенат, — говорит он, — давно ненавистный простому люду, в наших руках! Каждый потерпит кару, которой он заслуживает, но не будем забывать и об общей пользе. Без сената невозможно свободное государство, поэтому, казня одного сенатора, мы должны тут же избрать другого, человека достойного и деятельного.

Взяли навощенные таблички, надписали имена тех, кто сидел в курии, таблички сложили в урну, и Пакувий принялся тянуть жребий. Вывели того, чье имя выпало первым. Все закричали, что он мерзавец и заслуживает смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.